

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

Н.А.БОБРИНСКОЙ
Н.А.ЗАРУДНЫЙ
1859 — 1919

МОСКВА • 1940

Т. ДУНАЕВА И В. КУЧЕРУК

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

1805 — 1940

Н. А. БОБРИНСКОЙ

Николай Алексеевич
ЗАРУДНЫЙ

ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

(1859 — 1919)

С приложением статьи А. П. Семенова-Тян-Шанского
„Памяти Н. А. Зарудного“

МОСКВА — 1940

Напечатано по постановлению
Совета Московского общества испытателей природы

Президент акад. Н. Д. Зелинский
Вице-президент проф. Л. И. Курсанов
Ученый секретарь С. Ю. Липшиц

Редактор С. Ю. Липшиц

Техн. редактор С. Г. Вышнепольский
Корректор Р. С. Капелевич

Л11502

Тираж 1150.

Заказ 4419

Сдано в производство 2/XI 1940 г.

Подписано к печати 30/XII—40 г.

Печ. л. 4,5

Авт. л. 7,0

Бум. 70 × 108

Тип. Управления Делами СНК СССР. Москва, Ветошный пер., 2.

Серия историческая
№ 13

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ
К 135-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к выполнению поручения Московского общества испытателей природы — к составлению биографии Н. А. Зарудного, я, естественно, прежде всего постарался собрать различного рода биографические данные от лиц, близко знавших покойного. Но в результате всех моих стараний я мог получить только крайне интересную статью А. П. Семенов-Тянь-Шанского «Памяти Н. А. Зарудного», которая печатается ниже, да ряд ценных сведений и фотографий от вдовы Н. А.—Веры Александровны Зарудной.

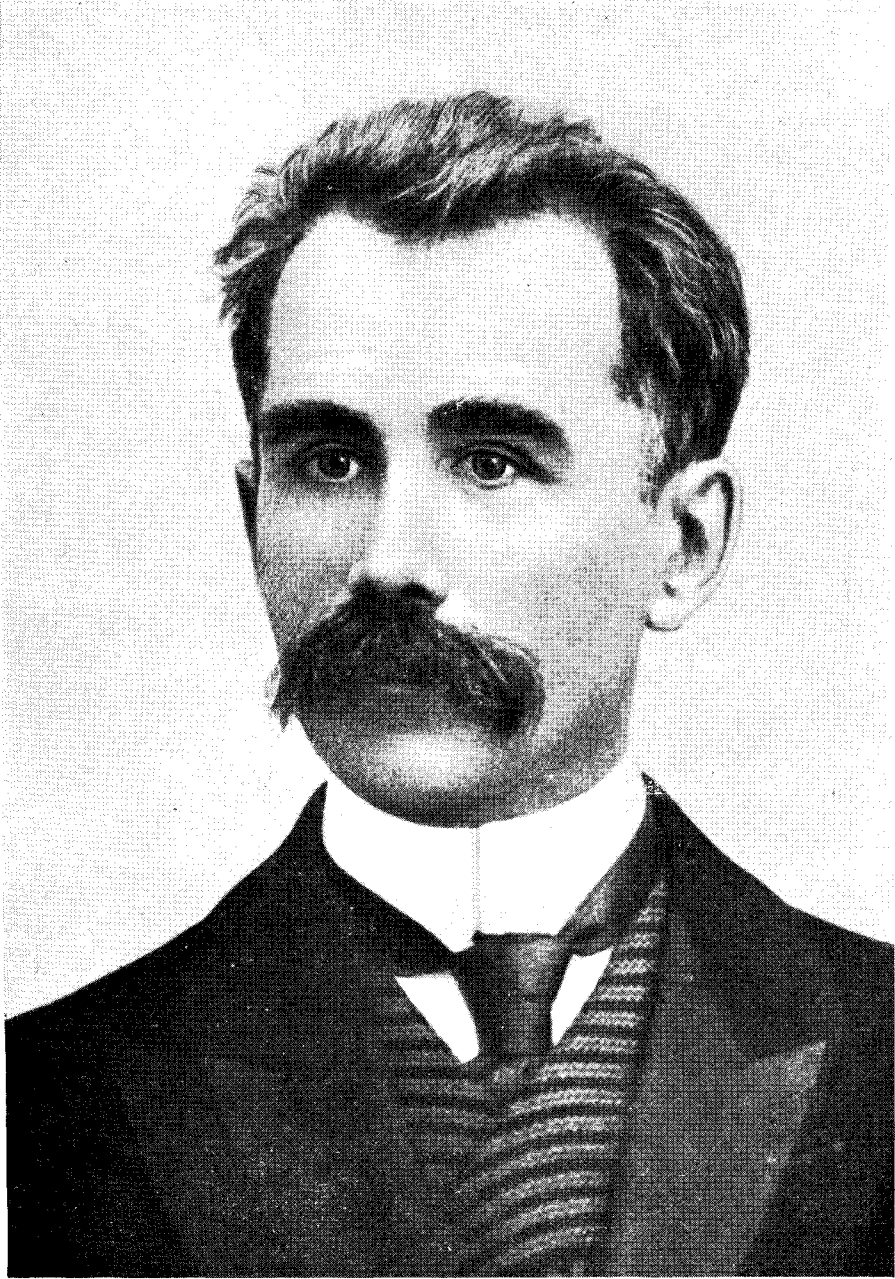
Лично я видел Н. А. только раз в жизни, и было это давно—26 лет тому назад, когда я проезжал через Ташкент в Бухару. И собственно говоря, у меня осталось только одно воспоминание о нем—это его сердечный прием и горячее желание всячески помочь мне, только что окончившему студенту, в моей предстоящей поездке в «Горную Бухару».

Зато, приехав в Ташкент в 1920 г., ровно через год после его кончины, я застал свежую память о Н. А., работал в организованном им зоологическом отделе «Туркестанского» музея, перебирал его огромные орнитологические коллекции, знакомился с теми немногими рукописями, которые остались в Ташкенте после его смерти, расспрашивал знакомых и т. д., и у меня создалось определенное представление об этом самобытном и во многих отношениях замечательном человеке, которое я и стараюсь передать в своем очерке.

Может быть, этот очерк заинтересует более широкие круги крупным исследователем, известным до сих пор главным образом специалистам, может быть побудит лиц, знавших Зарудного, сообщить данные о нем¹, может быть обратит внимание на необходимость опубликовать до сих пор неизданные работы его².

¹ В Московском обществе испытателей природы имеется специальный архив, касающийся его членов, и за всякие письма, воспоминания и т. д. Общество будет крайне благодарно.

² Я имею ввиду четвертое путешествие по Ирану и сводку по птицам этой страны; последняя работа еще в 1911 г. была подготовлена к печати.

Николай Алексеевич
ЗАРУДНЫЙ

„Я страстно люблю природу и в дальних странствованиях вся моя душа“.

З а р у д н ы й, Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны, 1900, стр. 7.

ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК Н. А. ЗАРУДНЫЙ

Николай Алексеевич З а р у д н ы й не принадлежал к кругу официальных ученых. Окончив 19-ти лет учительскую семинарию, он почти всю свою последующую жизнь занимал скромное положение преподавателя кадетского корпуса — сперва в Оренбурге, потом в Пскове, наконец в Ташкенте. Тем замечательнее, что этот не получивший специального образования и постоянно нуждавшийся в средствах для жизни человек, используя лишь свободное от служебных обязанностей время, сумел обследовать зоологически разнообразные районы Европейской России и обширнейшие пространства Средней Азии, совершить четыре замечательных путешествия по Ирану, собрать огромные коллекции по всем группам животных, написать ряд капитальных трудов и многочисленные специальные статьи и приобрести имя орнитолога мирового масштаба.

О детстве и юности Николая Алексеевича мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями¹. Родился он в 1859 г. в поместье своего дяди, Николая Андреевича З а р у д н о г о — Грякове, расположенном на границе бб. Валковского уезда Харьковской и Константиноградского уезда Полтавской губ. Родители его — Алексей Андреевич и Евдокия Николаевна — были люди со средствами и жили в Петербурге, широко, открытым домом. На своего младшего сына Николая они обращали мало внимания и мальчик все свое детство провел на родине в поместье дяди и тетки З а р у д н ы х. Хозяйством ведала незамужняя тетка Вера Андреевна, на попечении которой племянник рос до 11 лет, когда был отдан в кадетский корпус в Петербург. Много позже, уже взрослым человеком, Николай Алексеевич неоднократно проводил летние каникулы в поместье своей тетки-воспитательницы и в одной из своих работ («Птицы долины р. Орчика») дал краткое описание его. Передаем это описание в сокращенном виде.

Местность вокруг Грякова представляет собою волнистую степную равнину, прорезанную долиною р. Орчик. Господствующий ландшафт — обработанная степь, однообразие которой нарушается частыми балками, то сохраняющими вид степи, то принимающими характер луга или луговой степи, то поросшими кустарником или лесом. Степь дикая, покрытая ковылем, уцелела лишь кое-где. Большие ли-

¹ Большинство сообщаемых ниже данных о детстве и юности Н. А. получены нами от вдовы его Веры Александровны З а р у д н о й, которой мы пользуемся лучшим выражением своей глубокой благодарности.

ственные леса островами и колками протягиваются к северу. Собственно Орчик в области своего верхнего течения летом не представляет сплошного русла, а состоит из цепи озер-песов, отделенных друг от друга лугами, мочжинами и кочковатыми, иногда (очень топкими болотами. Эти озера — небольшие, тихие и спокойные, окружаются или лугами, или ольховым лесом. У самого уреза воды часто сплошными стенами поднимаются заросли высокого камыша, рогозы и ириса. Промежутки между озерами иногда зарастают ольховым лесом с густыми, труднопроходимыми чащами ивы и камыша на полянах. К дому прилегает «большой сад», занимающий 100 десятин, со всевозможными фруктовыми деревьями, великолепной сосновой рощей и многочисленными видами и породами других деревьев, частью туземных, частью завозных.

Н. Зарудный, первые годы в Петербургском кадетском корпусе.

С раннего детства у мальчика, жившего здесь на воле, развилась страсть к природе, к странствованиям, охоте, наблюдениям. Попав в корпус, он возненавидел его казенный режим и городскую жизнь и бежал. Его поймали и водворили обратно. Но в конце концов Зарудный так корпуса и не окончил. Каким-то образом, повидимому, после многих перемени¹, он попал в учительскую семинарию военного ведомства, в какую именно —

нам выяснить не удалось², а прямо из нее был назначен преподавателем естествознания в оренбургскую военную прогимназию.

¹ Уже будучи в Ташкенте, по словам А. В. Панкова (in litt.), Николай Алексеевич говорил, что „из школ его выгоняли за любовь к природе и странствованиям“.

² Об этом нет указаний ни в „послужном списке“ Зарудного, ни в других документах, на этот вопрос не могла ответить нам и В. А. Зарудная. Но в своей статье „Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга“ Николай Алексеевич мимоходом говорит, что зимой 1878 г. он был в Москве, а в апреле 1879 г., т. е. в учебное время, в Самаре.

С этих пор он стал жить исключительно на свой заработок и проводить все свое свободное время на охоте и в экскурсиях. Осенью, зимою и весной, занятый службою, он «рыскал» главным образом по окрестностям Оренбурга, так как ему редко удавалось вырваться для более отдаленных поездок. Зато все лето З а р у д н ы й проводил в природе, странствуя.

Так, в конце мая 1880 г. он уехал через Илецкую Защиту в станцию Буранную, находящуюся верстах в 7 от р. Илека, почти прямо на юг от Оренбурга. Отсюда он поднимался вверх по р. Хобде верст на 100. В Оренбург он вернулся в начале августа по маршруту — Буранная, нижнее течение Илека до Илецкого городка, среднее течение Урала до Оренбурга. В конце мая 1881 г. той же дорогой он снова отправился в Буранную, откуда предпринял экскурсию к южным и восточным окраинам меловой горной группы на р. Чимбенды, к озеру Сулюк-куль, к верховьям Утвы и на Аще-сай. Вернулся из Буранной в Оренбург в начале августа, пройдя целинной степью, минуя Илецкую Защиту.

Вспоминая свою летнюю жизнь, он пишет: «Я бродил по обширным луговым пространствам вдоль Илека, по окрестным степям и рощам, я проводил ночи на берегах многочисленных там озер и лиманов, я посещал непролазные топи и болота и всюду наблюдал за деятельною, неутомною, бурною жизнью вечно беспокойных птиц, и теперь с каким удовольствием вспоминаю тот свободный воздух, которым дышать мне никто не мог помешать, с какой ясностью возобновляются в моей памяти то высокое чувство свободы и воли, которым я наслаждался, бодро шагая по просторной степи, по барханам и лугам. Много скучных месяцев пройдет моей тусклой, безцветной учительской деятельности, много раз с тоской буду вспоминать минувшие, настоящею жизнью кипевшие дни, пока опять поведу их так, как привык с давних пор, а не как велят мне другие» (6¹, стр. 1).

Какая органическая потребность в дикой природе, и какая тоска по ней звучат в этих бесхитростных словах, оказавшихся до известной степени пророческими. Пророческими потому, что так и не удалось ему почти до самой смерти вырваться из тисков казенного заведения, пророческими и потому, что он сумел, вопреки всем внешним обстоятельствам, получить от жизни то, что желал — наслаждение в изучении дикой природы. Но натура З а р у д н о г о не была натурой созерцательной, а натурой деятельной. И трудно сказать, где он проявлял большее упорство — в душных ли камышах, когда часами «кормил миллионы комаров», наблюдая птицу за постройкой гнезда, или дома, ведя тщательные дневники и обрабатывая свои наблюдения в послеслужебное время. Характерно, что этот человек, не подчинившийся казенной школьной дисциплине, был по отношению к себе чрезвычайно дисциплинированным и вел с исключительной методичностью свои дневники, написанные аккуратным, четким почерком.

О жизни З а р у д н о г о в Оренбурге мы не имеем прямых сведений, но косвенно, из опубликованных им специальных работ, можно

¹ Жирный шрифт обозначает соответствующий № в списке литературы, приводимом ниже.

извлечь некоторые весьма характерные черточки. Он изучал и собирал в то время все: и ос, гнезда которых висели у него на стенах, и бабочек, и жуков, не говоря уже о птицах, к которым он с раннего детства питал особое пристрастие. На полу его комнаты лежал череп верблюда, а в углу — человеческий. В соседней «птичьей» комнате он держал самых разнообразных птиц, часто принося домой подранков и выхаживая их. Здесь перебивали поползны, синицы-князьки и большие, сарыч, иволга, чеглок, черные жаворонки, улит, тиркушки, белолобая казарка, водяная курочка, кроншнеп, некоторое время жил ручной корсак и филин, упоминает он и о ручном еже.

В августовском номере журнала «Природа и Охота» за 1881 г., издававшемся тогда известным натуралистом-охотником Л. П. Сабаневым, вышла первая печатная работа Зарудного «Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга». Статья эта, в которой Зарудный показал себя уже опытным и талантливым наблюдателем, содержит данные о полотораста видах, причем некоторые из них описаны весьма подробно с существенными дополнениями и поправками к Брэму, Науманну, Эверсманну. За ней последовало еще несколько небольших, но интересных статей о систематическом положении «голубоного» коршуна, о ручном корсаке, о некоторых содержащихся в неволе птицах, описание зоологической экскурсии на оз. Сулюк-куль, о цапле-волчке, а уже к весне 1884 г. Зарудный свел все свои наблюдения над птицами в большую работу — «Орнитологическая фауна Оренбургского края».

В нее вошел, кроме наблюдений в окрестностях Оренбурга и летних экскурсий 1880 и 1881 гг., еще материал, добытый за поездки в последующие годы. В конце мая 1882 г. Зарудный снова побывал на оз. Сулюк-куль и в Аще-сай, откуда вернулся в Оренбург в конце июля напрямик, степью. В августе, воспользовавшись объездом медицинского инспектора, совершил поездку по маршруту: Кургала, Китайям, Шарлык, Дедово, Кугарчи, Преображенский завод, Кагинский завод, Белорецкий завод, Верхнеуральск, Челябинск, Троицк, Орск, Оренбург. Поездка эта познакомила его с общим характером местности большей части Оренбургской губернии, но зоологический сбор был очень незначителен из-за недостатка времени. «Я видел дремучие леса, горы, горные ущелья, речки с их водопадами и каменистыми руслами, огромные, чистые, неприветливо-холодные озера, обширные болота... и время не позволяло мне заняться исследованием этих заманчивых дебрей» (11, стр. 5). Зато в следующем году Зарудному удалось самостоятельно совершить большую поездку и обследовать бассейны Илека и Хобды, но, вопреки первоначальному плану, попасть в Мугоджары не удалось (главным образом из-за недостатка денежных средств). «Таким образом, пишет Зарудный, я довольно хорошо ознакомился с киргизскою степью между средним течением Урала (от Илецкого городка до Орска), с одной стороны, между Илецким городком через Утву и несколько за нею до Джарык-тау — с другой, и между Орском и Джарык-тау — с третьей». Эту то область он и называет Оренбургским краем.

Свою работу, вместе с коллекцией птиц, поступившей в Зоологический музей Академии наук, Зарудный передал проф. М. Н. Богданову, с которым состоял в переписке с 1883 г. Но опубликована рукопись была лишь в 1888 г., уже после смерти Богданова, и вышла под редакцией Ф. Д. Плеске, состоявшего в то время заве-

дующим орнитологическим отделением Музея. В своем предисловии Плесске писал: «Описание географического распространения и образа жизни птиц Оренбургского края составлено Н. А. Зарудным превосходно, так что его работа может считаться достойным продолжением и дополнением известного труда покойного проф. Эд. А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края».

Конечно, сравнивать эти две работы трудно: одна представляет собою результаты целой жизни, обнимает огромную территорию от Волги до Усть-урта и Аральского моря и насыщена систематикой — другая — есть результат лишь нескольких лет, ограничивается только областью среднего течения Урала от Илецка до Орска и бассейном Илека и совсем (точнее — почти совсем) не касается вопросов систематики, в которых Зарудный был еще новичком, нуждавшимся в поправках Ф. Д. Плесске. Однако на своей значительно меньшей территории за сравнительно небольшое время Зарудный обнаружил примерно столько же видов птиц, сколько Эверсманн во всей своей огромной области. Биологические данные Зарудного во многих отношениях точнее, углубленнее и для ряда видов чрезвычайно полные. Те двадцать лет, которые отделяют Эверсмана от Зарудного, имевшего уже такие образцовые произведения, как труды Н. А. Северцова по Воронежской губ., М. Н. Богданова по Поволжью, С. Т. Аксакова по Заволжью, конечно сыграли свою роль, но не следует и переоценивать обстоятельств, благоприятствовавших Зарудному.

В этой первой большой работе Николая Алексеевича уже вполне сказались характерные черты его последующих фаунистико-биологических трудов — обилие и свежесть фактического материала, наблюдательский и писательский талант, вдумчивое отношение к фактам. Он особое внимание уделяет гнездам и яйцам, виды мало изученные, редкие, описываются особенно подробно (это не значит, что Зарудный пренебрегает обычными формами, о таких тривиальных птицах, как галка, сорока, грач, он может сказать много интересного), попутно он пытается по возможности объяснять подмеченные факты. Ограничимся несколькими характерными примерами. По подсчетам Зарудного зимою 1880—1881 гг. в окрестностях Оренбурга держалось по крайней мере 20 000 сорок, в следующем же году их было гораздо меньше. Объясняется это эпизоотией скота, благодаря которой сороки имели обильный корм за пределами города. «Издредка между сороками попадают такие, которые избегают общества себе подобных и при крайней осторожности одиноко круглый год живут где-нибудь в лесу». «Однажды в продолжении нескольких дней кряду дул сильный северо-восточный ветер. Пустельга имела уже детей. И вот для защиты их от наступившего холода она пристроила к своему гнезду с подветренной стороны род забора из перевитых тонких прутьев». «Когда птенцы (выпи) подрастут, гнездо от их тяжести начинает тонуть и родители увеличивают его снаружи новыми пристройками». «Из всех жаворонков малые с наибольшею легкостью переносят жару. В знойные июльские дни, когда дудаки и стрепета срываются из-под самых ног, когда луни рассаживаются на тенистых сторонах обрывов, берегов и даже, если случится, в просо, когда беркута, халзаны и карагуши, ища прохлады, вьются чуть не под облаками, а полевые, белокрылые и черные жаворонки сваливают к воде, на отмели и, за отсутствием их, даже на листья кувшинки, уто-

ляют жажду и купаются, тогда много раз видел я малых жаворонков, как ни в чем не бывало бегавших по раскаленной, бесплодной почве своих обиталищ и собиравших корм».

О качествах Зарудного как сборщика говорит хотя бы то, что им за четыре с половиной года добыты полные и частичные альбиносы: дрозда-белобровика, ремеза, кедровки, галки, кукушки, кобчика, вяхиря, чибиса, вальдшнепа. Он пересмотрел более сотни гнезд болотного луня и столько же коршуна. Им были впервые добыты, в качестве залетных птиц Оренбургского края, целый ряд видов, например, бурый голубь, большая и «египетская» горлица, снежный вьюрок, черногрудый воробей, гималайская пеночка, пеночка-королек, соловей-белошейка, горихвостка-красноспинка, два вида черных чеканов, синий каменный дрозд. При этом следует отметить, что огромное большинство из перечисленных птиц с тех пор никем не было обнаружено в указанных пределах.

Таким образом эта работа заняла выдающееся место среди орнитофаунистических работ и была широко использована М. А. Мензбировом в его известной сводке «Птицы России» (1895), где биологические описания ряда видов основаны, главным образом, на данных Зарудного и около 15 видов введены в фауну Европейской России исключительно на основании его находок.

Ради цельности впечатления мы несколько отклонились от хронологического изложения событий. Вернемся к 1884 г. Сдав свою рукопись, Зарудный на свои небольшие сбережения и на деньги от продажи части оренбургских сборов предпринял свою первую отдаленную поездку — в Закаспий. Край этот лишь несколько лет назад был присоединен к России и глубинные части его не посещал еще ни один зоолог. Прибыв 19 июня Каспийским морем в залив Михаила, где тогда начиналась Закаспийская железная дорога, Зарудный на следующий день поездом достиг Кизыл-Арвата. Отсюда он начал свои экскурсии, продолжавшиеся до 8 сентября. За это время им был обследован весь обширный Ахалтекинский оазис вплоть до Асхабада, прилежащие части пустыни и северный склон Копет-дага.

В своих экскурсиях, странствуя один, Зарудный, далеко углублялся в пустыню и горы от русских опорных пунктов. Ночевал под открытым небом, греясь у костра. Питался дичью и собирал все, что мог добыть энтомологическим сачком, ружьем или просто руками (20).

Наградой ему была обильная добыча, с которой он вернулся из своего путешествия. Свои сборы, в том числе около 600 птиц, он передал в Зоологический музей Академии наук. Птиц он обработал сам, пользуясь советами орнитолога названного музея В. Л. Бианки, рукопись же направил М. А. Мензбирову, с которым в 1885 г. Зарудный вступил в оживленную переписку и стал посылать птиц для проверки своего определения. В своей статье, опубликованной на французском языке Мензбировом в «Бюллетенях» Московского общества испытателей природы (1886), Зарудный дает краткое общегеографическое описание обследованного им района с указанием наиболее характерных позвоночных, а в специальной части — сообщает биологические и географические сведения о 184 птицах, из которых некоторые снабжены и замечаниями по систематике.

М. А. Мензбир в своем предисловии дает следующую оценку этой работы:

«Располагая очень небольшими деньгами, лишенный необходимых припасов, предоставленный собственным силам, Зарудный исследовал в зоологическом отношении Ахалтекинский оазис и его результаты превосходят все полученное даже целыми экспедициями, работавшими в соседних областях... Конечно, его исследование только первое слово о стране, для нас ранее совершенно неизвестной, но это первое слово им сказано. Его исследования связали Арало-Каспийскую область с Персией и Афганистаном; вместе с тем он установил важное значение Ахалтекинского оазиса как пути перелета птиц».

Летом следующего года Зарудный опять едет в Закаспий. На этот раз со спутником — А. М. Никольским, впоследствии известным зоологом и профессором Харьковского университета, но тогда только что окончившим университет. Съехались они в Астрахани 23 мая. «Зарудный явился настоящим охотником, пишет Никольский, в зеленой рубашке на выпуск, в ботфортах, в одной руке двустволка, в другой — винтовка Бердана, за поясом револьвер, нож и еще какие-то охотничьи принадлежности»¹. 29 мая они морем прибыли в Чикишляр, в окрестностях которого экскурсировали всего лишь несколько дней. Первоначально молодые путешественники предполагали двинуться вверх по р. Атреку, вдоль русско-персидской границы, не выходя из пределов России. Но азербайджанец, хозяин лачужки, в которой они устроились, предложил им «очень заманчивый план» — переплыть на лодке по морю к устью Гюргеня, купить там лошадей и двинуться внутрь Персии, при чем предлагал себя на все время в качестве переводчика. (Зарудный несомненно уже в это время говорил на казахском языке, который очень близок к туркменскому и узбекскому, т. к. в предыдущую поездку он не имел переводчика; теперь оба натуралиста нуждались, повидимому, в переводчике для фарсидского языка). План этот был принят, переправа совершена и уже через несколько дней путешественники двинулись вверх по Гюргеню. «Направо синеются Астерабадские горы, налево растилается травянистая, уже пожелтевшая степь с перелетающими по ней степными и рогатыми жаворонками (*Alauda bimaculata* и *Otocorys penicillata*)... На пути попадается тамариксовая роща... Птиц здесь найдено множество... По берегам от валов влетали и вылетали из своих норок золотистые шурки и сизоворонки, а многочисленные табуны блестящих скворцов (*Sturnus nobilior*) с шумом носились с берега на берег». На следующий день утром «степные жаворонки попадают уже редко, но зато много встречаем коршунов, шурок, скворцов, а на бугорках — спокойно сидящих совок (*Athene plumipes*), которые еще не торопятся на покой в свои норки, хотя солнце припекает уже довольно чувствительно. Томительно-однообразно на этой равнине и нет-нет да и посмотришь направо, где возвышаются вдали Астерабадские горы с зеленеющими лесами и белеющими от снега вершинами...». Еще до вечера «мы въезжаем в лес, в те самые полу-тропические леса, которые широкой полосой залегли у северного подножия Астерабадо-Шахрудинских гор и как-будто сползли с их вершины». Здесь к югу от крепости Ак-Баши (Ак-Кала) путешественники становятся лагерем на несколько дней. Местные леса «составлены из разнообразнейших пород, среди которых наиболее бросаются

¹ Никольский А. М. Летние поездки натуралиста, 1900, стр. 129.

в глаза исполинские дубы, орешники и вязы, завитые виноградом, плющем и многими другими вьющимися растениями; местами колючая ежевика, виноград и разные колючие кустарники образуют чащи в полном смысле слова непролазные... Как очарованный ходил я среди этих гигантских вековых деревьев, среди этой могучей полутропической растительности. И как нельзя лучше понял я, какую связь имеет народный эпос с лесом, среди которого и могла возникнуть идея о таких богатырях, как иранские Рустем и Зораб, как наш русский Илья Муромец,—мощных и крепких, что эти столетние деревья, горделиво возвышающие свои верхушки к синему небу. Среди птиц мы нашли здесь богатую добычу».

Но к 11 июня давно уже болевшая нога Зарудного окончательно отказалась служить, разыгралась и малярия, так что он был вынужден покинуть своего спутника и поехать в Астерабад, в горных окрестностях которого он поправлялся до 25 июня. «Все это время стояла сырая пасмурная погода, час от часу перепадал дождь, и лишь изредка проглядывало солнце. Холодными, сырыми клубами плыли низкие облака, ползли на аул, нависали над ущельями и пропастями, кутали серой пеленой горные склоны и заволакивали эти чудные леса. И когда я поднялся высоко на вершину горного гребня, оставив внизу под ногами эти клубящиеся облачные массы и глянул на север,—тоска защемила сердце: далеко вдали, залитая яркими солнечными лучами, завиделась туркменская степь, вспомнился мне Никольский, наши сборы, радость при высадке на персидский берег, первые дни совместного путешествия... И какая разница: тут зябнешь, дрогнешь, а там в каких-нибудь 50 верстах так жарко, что не знаешь куда деваться от палящего зноя».

25 июня, снова больной, Зарудный, еле сидя на лошади, через Астрабад направился в Гязь, где почувствовал себя легче и попытался экскурсировать. Но через неделю малярия настолько усилилась, что он был вынужден сесть на пароход и уехать в Россию «с самыми нищенскими научными результатами». Однако в своей статье, содержащей данные по этой поездке, «Материалы для орнитологической фауны Северной Персии» (1892), приводятся сведения о 129 видах птиц. С конца июля Зарудный опять деятельно начал экскурсировать по окрестностям Оренбурга.

19 декабря 1885 г., по предложению М. А. Мензбира и К. Э. Линдемана, Зарудный был избран действительным членом Московского общества испытателей природы.

Вскоре он обратился в Общество, прося оказать ему помощь для продолжения фаунистических работ в Закаспийской области, что и было удовлетворено. В последних числах марта 1886 г., имея всего 300 руб., полученных от Общества испытателей природы, Зарудный выехал из Оренбурга в свою третью закаспийскую поездку. В пути, из окон вагона, с палубы корабля, он тщательно следит за пролетом птиц, пользуясь же пересадками (Грязи) и дожидаясь парохода (Баку), — совершает небольшие, но успешные экскурсии. Так за три дня пребывания в Баку им зарегистрировано 63 пролетных вида птиц.

На этот раз Зарудный пробыл в Закаспии почти четыре месяца (с 15 апреля по 7 сентября) и, используя железную дорогу для дальних переездов, обследовал, с одной стороны, восточные и юго-восточные районы края (восточная часть Ахалтекинского оазиса и при-

лежащие части Копет-дага, Тедженский, Мервский, Пендинский оазисы, долины Кушки и среднего течения Мургаба), с другой — юго-западные районы его, пройдя от моря вверх по Атреку и далее вдоль всего Сумбара.

В своей работе об этой поездке (*Recherches zoologiques dans la contrée Trans-Caspienne*, 1889, 1890), носящей характер подробного обследования, Зарудный дает в первой части общегеографическое описание бассейна Мургаба с Мервским оазисом, Пендинского оазиса, долины р. Кушки, долины среднего течения Мургаба, долины Теджен-дарьи и Герри-руда, бассейна Атрека, посещенных равнин и гор, а в конце — некоторые данные о климате. Во второй, систематической, части он сообщает данные о 42 видах млекопитающих, свыше 300 птицах и 39 пресмыкающихся и земноводных. Таким образом; эта работа представляет собою основательный обзор наземных позвоночных Туркмении.

Летом (июнь, июль) 1887 и 1888 гг. Зарудный ограничился поездками по «Оренбургскому краю». Маршруты этих поездок не сохранились, но из отдельных, приведенных в работах данных наблюдений птиц видно, что во второй половине июня 1887 г. Зарудный обследовал долину Урала вниз до Уральска. Главнейшие результаты были опубликованы в «Дополнительных заметках к познанию орнитологической фауны Оренбургского края» (1888). Часть лета 1887 г. Николай Алексеевич провел у себя на родине на Украине.

Летом 1889 г. Зарудный, опять при поддержке Московского общества испытателей природы, имея спутником А. Л. Яценко, совершает свое четвертое путешествие по Закаспию. С 17 по 20 мая он экскурсировал в окрестностях б. форта Александровского на Мангышлаке, а в начале 20-х чисел — в районе ж.-д. станций Узун-ада и Молла-кара. Затем, проехав поездом в Чарджуй, в течение полутора месяцев (с 1 июня по 17 июля) обследовал область Аму-дарьи между Чарджуем и Келифом, передвигаясь частью верхом, частью на лодке. Во второй половине июля Зарудный экскурсировал между Чарджуем и Мервом, в первой половине августа — по нижнему течению Теджена, а вторую половину этого месяца посвятил изучению Копетдагских гор (в частности он высоко поднимался по Ширванскому ущелью). Закончил свое путешествие Зарудный экскурсиями по берегу Михайловского залива, именно в районе Узун-ада (первая неделя сентября)¹. Таким образом, в эту поездку Зарудный обратил особое внимание на изучение среднего течения Аму-дарьи и опубликовал особую статью относительно ее орнитологической фауны в «Бюллетенях» Общества испытателей природы (1890).

Лето 1890 г. (июнь, июль и начало августа) Зарудный провел на родине, у своей тетки В. А. Зарудной. Здесь он совершал почти ежедневные экскурсии как по долине верхнего течения Орчика и прилегающей степи, так и по его окрестностям. Это дало ему возможность «довольно полно познакомиться с здешним орнитологическим миром», о котором он опубликовал небольшую статью — «Птицы долины р. Орчика и окололежащей степи» (1892).

¹ Мы изложили маршруты этого путешествия подробно потому, что они, кроме района Чарджуй-Келиф, не были опубликованы и восстановлены нами по отдельным датам наблюдений, выбранным из «Орнитологической фауны Закаспийского края».

Во второй половине августа Зарудный вернулся в Оренбург и деятельно коллектировал в окрестностях этого города до весны 1891 г. Среди рукописей, оставшихся после смерти Николая Алексеевича в Ташкенте, имеется разрозненная «Орнитологическая хроника Оренбургского края с 1885 по 1891 г.», с надписью «печальные остатки после погрома 27 апреля 91 года». Что это был за «погром» — нам выяснить не удалось, но в «Орнитологической фауне Закаспийского края» (стр. 534) указывается, что значительная часть оренбургских коллекций погибла. Не произошло ли это во время «погрома»? С 1 июня по 1 августа Николай Алексеевич ездил в отпуск, куда — выяснить нам не удалось¹, но во всяком случае за пределы «Оренбургского края», так как в «Дополнениях к орнитологической фауне Оренбургского края» (см. ниже) нет дат, касающихся этого времени. Вернувшись в Оренбург он опять деятельно коллектировал в окрестностях города до 27 октября, после чего даты в «Дополнениях» прекращаются. «В начале 1892 г. я был принужден (sic!) покинуть эту страну», пишет Н. А. в «Дополнениях» (стр. 137). Мне удалось получить некоторые сведения, свидетельствующие о том, что зима 1891—1892 г. была важным этапом в личной жизни Николая Алексеевича и что из Оренбурга он уехал «спасаясь от предстоящего ему брака с одной из местных девиц». По официальным данным (послужной список) Зарудный с 14 января по 8 марта 1892 г. взял отпуск с сохранением содержания, а с 11 апреля по 22 августа без него. Где он был и что делал до начала апреля — неизвестно, но уже в первых числах апреля он плыл из Баку в Закаспий, «имея на этот раз в своем распоряжении достаточное количество времени и денег» (Орнитологическая фауна Закаспийского края, 1896, стр. 213).

Таким образом, летом 1892 г. Зарудным была совершена пятая поездка в Закаспий, которая длилась четыре месяца (с 6 апреля по 9 августа). Большую часть апреля он исследовал пустыню между Мервом и Аму-дарьей, но главное внимание в этой поездке было им уделено изучению горной фауны Копет-дага, под конец же — экскурсировал в районе Михайловского залива. К сентябрю 1892 г., повидимому, прямо из Закаспия, Зарудный переехал жить в Псков.

О своей поездке 1892 г. он специально ничего не опубликовал, но собранные им сведения по птицам вошли в его капитальную сводку «Орнитологическая фауна Закаспийского края», рукопись которой была закончена уже к декабрю 1893 г. Она вышла самостоятельным томом «Материалов к познанию фауны и флоры России» (издававшихся Московским обществом испытателей природы) в 1896 г. Посвятил ее Зарудный памяти Модеста Николаевича Богданова, которого он глубоко уважал как истинного натуралиста и который был, повидимому, первый зоолог, вступивший в переписку с Зарудным. В этой работе Зарудный свел все свои личные наблюдения, данные, полученные от целого ряда корреспондентов, и все литературные сведения. Всего им приводится 445 форм. Как и всегда, особенно полно освещена биология малоизвестных птиц, как-то: скотцерки, сирийского поползня, желчной овсянки, саксаульной сойки. Как и всегда, поражает обилие сведений о гнездах и яйцах. Как и все-

¹ Когда настоящая статья была уже набрана, я получил от С. И. Сянгиревского написанный рукой Зарудного перечень годов, с указанием, где он их проводил. В этом списке указано, что в 1891 г. он был в „Малороссии“, т. е. у себя на родине.

гда, З а р у д н ы й умеет найти характерные черты в жизни птиц и дать им яркое описание, например: «Чрезвычайно любопытное зрелище представляет колония стрижей на гнездовье. Самок не видно — они насиживают яйца; самцы же, совместно друг с другом, охотятся, прилетая и улетая почти всегда одновременно. Вот они улетели; все тихо; пустынно стоит громада серой скалы или стена пропасти с чернеющими на ней трещинами; кое-где, тихо, без звука, реют в воздухе скалистые ласточки (*Hirundo rupestris*); проходит таким образом четверть или полчаса, — вдруг раздается вверху громкий гудящий звук, несутся пронзительные, свистящие крики, и стая стрижей бурно, шумно, стремительно низвергается вниз и, не замедляя полета, моментально, словно пробивая эти крепкие камни, исчезает в трещинах. Проходит несколько моментов и они, почти одновременно, появляются снова, снова кричат, созывая запоздавших, и снова исчезают все вместе. Невольно удивляешься, как не разобьются эти летуны о скалу, как точно попадают на всем стремительном своем полете в гнезда и как своевременно, при входе в него, успевают сложить свои длинные крылья» (стр. 364—365).

К этому времени З а р у д н ы й обладал уже настолько обширным материалом, что смог разбить «Закаспийский край» на пять зоологических участков и наметить основные перелетные пути. Из почти неизвестного в зоологическом отношении края, каким был Закаспий до начала работ З а р у д н о г о, он стал, почти исключительно благодаря его работам, одной из наилучше обследованных в орнитологическом отношении областей России.

Закончив эту капитальную книгу, З а р у д н ы й, «считая свои счета с Оренбургским краем почти совсем поконченными», собрал выборки из своих оренбургских записей и опубликовал большую статью «Дополнения к «Орнитологической фауне Оренбургского края» (1897). Работа эта и книга 1888 г. до сих пор остаются основными по птицам южного Приуралья и прилежащих низменностей. Отметим, что они стали доступны и иностранным ученым в изложении Grote «Ornithologische Beobachtungen aus dem südlichen Uralgebiet (Orenburg)». Jour. f. Ornith., 1919, pp. 337—383; 1920, pp. 33—70, 124—156.

* * *

Таким образом и оренбургским и закаспийским исследованиям был подведен итог; но многое относительно туранской фауны, в частности орнитологической, оставалось темным. Например, пути и способы расселения южных видов, границы их ареалов, продолжение пролетных путей и т. д. Словом, все предыдущие работы З а р у д н о г о влекли его к новым исследованиям, к исследованиям расположенных к югу от Закаспия и совершенно неизвестных в фаунистическом отношении глубинных частей Ирана.

В 1896 г., при помощи Зоологического музея Академии наук, ему удалось осуществить свое давнишнее желание — посетить самые восточные части тогдашней Персии, в частности важное место зимовок туранских птиц — Сеистанскую котловину (см. карту на стр. 33).

В конце февраля З а р у д н ы й, вместе со своим спутником студентом-ботаником К о р о в я к о в ы м, выехал из Петербурга в Закаспий.

Однако Петровский порт оказался забитым льдом, и им пришлось задержаться здесь на 11 дней, чем воспользовался З а р у д н ы й для изучения пролета птиц. Переплыв Каспийское море, они 17 марта прибыли на станцию Узун-ада, на следующий день поездом достигли Асхабада, а 23 выехали из него на фургоне по шоссе через Кучан в Мешед. Хотя равнины Ахалтекинского оазиса были уже ярко зелеными и пестрели маком и тюльпанами, но в более высоких частях Копет-дага лежало не мало снега, барбарис еще не распускал почек, а шиповник только начал зеленеть. В Кучане плодовые деревья стояли еще оголенные, виноградные лозы еще не откапывались, тополя и ивы были покрыты молодыми листьями. Дорога от Кучана в Мешед шла все время равниною, утомительною своим однообразием. В Мешед, куда З а р у д н ы й прибыл через неделю по выезде из Асхабада, экспедиция окончательно снарядилась, и в первых числах апреля маленький караван в составе самого З а р у д н о г о, К о р о в я к о в а, переводчика, двух погонщиков и 9 ишаков, двинулся к югу, в Сен-стан. Без малого целых два месяца длился их путь по горам и пустыням. До г. Турбет-и-Хейдари дорога шла горами, в общем пустынными, но всюду по ущельям бежали многочисленные ручьи и речки, из которых большая часть на лето пересыхает. Сам г. Турбет-и-Хейдари и его окрестности изобилует садами персиков, кураги, алычи, яблоней, которые были уже облеплены цветами, но зелень на них только что распустилась. «Чувствуешь бодрость и подъем духа после переходов обнаженными, мертвенными горами и пустынными равнинами» (13, стр. 39). Между Турбет-и-Хейдари и г. Баджистан вклинивается восточная окраина большой иранской соляной пустыни Кевир. Здесь она имеет вид в общем глинисто-щебнистой равнины, местами лежат такыры и солонцы, местами имеются пески, селения редки. На пересечение ее потребовалась неделя. Не доходя г. Баджистан, З а р у д н ы й отделился от каравана и заблудился. К вечеру он подошел к кочевью из нескольких черных палаток. «Ночевать меня сюда не пустили, приняв за туркменского лазутчика, и мне пришлось провести холодную и беспокойную ночь в трещине между скал, куда в качестве постели и одеяла я набросал жесткой полыни. Утром следующего дня я застрелил зайца и, подкрепивши свои силы, пошел в город Баджистан, отыскавши предварительно ведущую к нему дорогу. Эта последняя идет глинисто-щебнистою полынною степью, состоящей из нескольких долин, среди невысоких горных цепей, соединяющихся друг с другом в разных направлениях. По пути три аб-амбара, но — горькое разочарование — без единой капельки воды. Солнце жжет без милосердия, от жажды (вечером в Чапали мне не удалось напиться) язык шуршит во рту как бумага, я напрягаю последние силы и, взобравшись по тропе на вершину гор, к которым повела дорога, — торжествую: внизу под ногами вижу широкую долину, а в ней Баджистан с его пышными тенистыми садами и обширными нивами» (39, стр. 18).

От г. Баджистан до с. Бендун экспедиция шла целых пять недель. Путь ее пролегал по горной стране, местами через довольно высокие хребты (перевалы до 2 000 м и выше). Общий характер местности — пустынный, особенно низины и предгорья, в ущельях же встречались богатые селения и древесная растительность, порой даже пышная. В горах, не доходя г. Нэ, «много диких баранов и козлов, но после длинного перехода, который был по обыкновению сделан мною пеш-

ком, мне было не до охоты: устал невероятно, ноги и плечи представляли одну сплошную боль, богатая добыча, собранная по дороге, оставалась еще не препарированная... Утром следующего дня мы спустились в ущелье, понижающееся в южную сторону по направлению к пустыне Лут, и пошли вверх по ее склону. Во всю свою ширину занятое водоскатом, оно очень живописно и богато растительностью... Прошла вчерашняя усталость, чувствуешь невыразимо приятное состояние духа и бодро шагаешь вперед» (39, стр. 35).

Только 23 мая путешественники достигли с. Бендуна, находящегося уже у входа в Сеистанскую котловину. Здесь они впервые встретили большую рощу из великолепных, повидимому, диких финиковых пальм, потом двое суток шли мертвой щебнистой пустыней и, наконец, 25 мая глазами их открылось наводненное ложе Хамуна — «целое море пресной воды». Там и сям среди сплошной водной поверхности плоскими островами выделялись участки незатопленной почвы с разгуливающими зебу, с черными и бурыми палатками и камышевыми шалашами туземцев. Дальше же — вся местность «почти сплошь заросла густыми камышами, чаканом и кугою, которые дают притон разнообразным и многочисленным птицам, наполняющим воздух своими голосами и заставляющим забиться скорее сердце охотника. В воздухе реют чайки и крачки, проносятся косяки пеликанов, колпиков и караваек, куда то торопятся серые, красные и белые цапли, мечутся взад и вперед косяки различных уток; из камышей доносятся гоготание диких гусей, ржание поганок, стоны лысушек, как бы негодующие крики султанок, крикание уток, пение камышевок, звонкое трещание *Grinia*, свист ремезов и усагих синиц. И как хорошо здесь в камышах, среди массы воды, в горячем воздухе...» (39, стр. 41). Описываемая часть ложа Хамуна составляет южную часть Нейзара (ней — персидское название камыша), главные массы которого занимают северные и северо-восточные части, ближе к большим озерам страны — к Хамун-Севаран, питаемому р. Гильмендом, и к Хамун-Фарах, оводняемому двумя реками, впадающему в него с севера. Нейзар принимает в себя оба эти озера и составляет их общую южную окраину. Поэкскурсировав по плодородному Сеистану к востоку до с. Авселлабад и к югу до г. Гюссейн-абад, З а р у д н ы й в первых числах июня покинул его. До г. Нэ он прошел старою дорогою, а отсюда уже новым путем через гористую пустынную местность и 19 июня достиг г. Бирджан. Сделав здесь дневку, он опять новым путем двинулся на север через горы и равнинные полупустыни, мимо гг. Кайн и Хаф, к середине июля прибыл в с. Календер-абад. Свернув отсюда на северо-запад, он уже через несколько дней был в Мешед, а затем, перевалив скалистый Копет-даг, в самом конце июля вышел на станцию закаспийской железной дороги Каахка, чем закончил свое путешествие.

Таким образом, в Персии З а р у д н ы й пробыл 4 месяца и несколько дней и за это время прошел, в буквальном смысле прошел, более 2 000 верст: «так как дневные переходы делались небольшие, а вьючные ишаки идут не особенно скорым аллюром, то я, пишет он, имел возможность пройти почти всю дорогу пешком, т. е. обратить ее в сплошную экскурсию» (39, стр. 2). Две тысячи верст пешком по горам и жаркой пустыне!

Главнейшими результатами этого путешествия были: обширные сборы по всем группам животных, которые поступили в Зоологиче-

ский музей Академии наук и были обработаны соответствующими специалистами¹, и книга З а р у д н о г о «Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны» (1900), законченная им уже в 1896 г. Последнее обстоятельство свидетельствует не только об исключительной трудоспособности автора, но и о том идеальном порядке, в котором были его дневники, ибо только при этих условиях можно было написать объемистый труд в 262 стр. in 4° в столь короткий срок. Первая часть книги содержит общегеографическое описание пройденной местности, вторая, бóльшая — фаунистические, биологические и систематические данные о 285 видах птиц и их распределении по трем зоологическим участкам, установленным З а р у д н ы м для северо-восточного Ирана. При этом следует отметить, что, как и во всех своих работах, З а р у д н ы й особенно полно освещает малоизвестные формы.

Летние каникулы 1897 г. З а р у д н ы й провел на родине, на Украине, но уже в начале следующего года он обратился в Русское географическое общество с предложением поручить ему вторичную поездку в Сеистан и в еще более отдаленные окраины Восточной Персии. Предложение это, при деятельной поддержке А. П. Семенов-Тянь-Шанского, было принято, и уже в середине марта 1898 г. З а р у д н ы й выехал из Асхабада в Мешед, имея на этот раз, впервые за все свои поездки, препаратора. В Мешед З а р у д н ы й окончательно снаряжился, и 20 марта караваном из 13 ишаков тронулся в путь с препаратором Литвиновым, переводчиком и двумя погонщиками.

На этот раз З а р у д н ы й выбрал более прямой, но и более трудный путь. Первые недели две, держась в общем юго-восточного направления, караван шел населенными хорошо орошенными местами через города Феримун и Турбет-Шейх-и-Джам до сел. Кяриз. Отсюда была сделана боковая экскурсия к реке Герри-руд для наблюдения за пролетом, который был в разгаре. 11 апреля экспедиция двинулась дальше на юг, пересекла сперва гористую местность, затем пустыню, где каменистую, где песчаную, и после ряда тяжелых и скучных переходов достигла гор Гезик. Обследовав эти горы, которые в общем имеют пустынный характер, хотя среди них и рассыпаны отдельные селения, утопающие в зелени садов, например большое селение Аваз, З а р у д н ы й двинулся дальше и через пустынные горы и пещеры 8 мая прибыл в сел. Бендун, расположенное в узкой долине и известное ему по прошлому путешествию. Еще два перехода по 32 версты каждый, и экспедиция расположилась лагерем на ночь вблизи берегов Хамуна. «Ночь проведена мною, пишет З а р у д н ы й, беспокойно: удушливый дым многочисленных костров, людской говор и гомон, хриплый рев зебу; а со стороны Нэйзара (огромное камышевое болото) несутся сливающиеся голоса лягушек и козодоев и неясный, неумолчный шум, производимый птичьим населением его громадных камышей; прислушиваешься к этому шуму, стараешься разобдаться в нем и отгадать отдельные звуки, а сердце замирает в предвкушении охоты и экскурсий по дебрям этой интересной страны» (43, стр. 104). Через два дня (12 мая) З а р у д н ы й достиг глав-

¹ В частности А. М. Никольский опубликовал статью „Пресмыкающиеся амфибии и рыбы, собранные Н. А. Зарудным в Восточной Персии“ (Ежегод. Зоол. муз. Акад. наук, II, 1897), где описаны 12 новых видов.

но
гл
по
ди
ку
аб
се
ве
ш
ве
Эт
12
за
ни
сч
I
ств
ча
ми
тёр
в
Ку
лу
ла
па
лес
до
ни
са,
Б
Се
ся
Д
тел
но
са
I
нез
лед
Гер
рав
вует
чат
но:
виж
ча
гом
стр
пти
гив
роп
дос

ного города Сеистана — Насир-абада, который был избран им своею главною квартирой при обследовании Сеистана. Отсюда он, отпустив погонщиков с ишаками обратно в Мешед и приведя в порядок экспедиционный багаж, произвел в течение второй половины мая ряд экскурсий: к северо-западу (до сел. Адами), к северу (до сел. Даулет-абад) и к западу, а в начале следующего месяца перебрался в г. Гюссейн-абад. Сделав из Гюссейн-абада двухдневную экскурсию на север к восточному заливному ложу Хамуна, З а р у д н ы й этим завершил обследование культурного Сеистана.

К 4 июня закончилось формирование нового каравана, уже на верблюдах, так как предстоял длинный путь по безводной пустыне. Этот караван, под который были наняты 5 человек белуджей с 12 верблюдами, обошелся очень дорого, но белуджи не соглашались за обычную плату итти на юг, где рисковали подвергнуться нападению со стороны враждебных родов, имевших с ними старинные счеты.

Почти месяц караван двигался бесплодной, пылающей зноем пустыней, первые дни — равнинной, местами глинистой, местами песчаной, а затем — гористой, покрытой раскаленным щебнем и камнями. Днем температура держалась около 40° С и дул постоянный ветер, обдавая людей и животных горячей пылью. На всем своем пути в 350 верст, лишь в двух местах — в урочище Дуз-аб и в урочище Курин — они встретили жилища людей, да раз видели 5 человек белуджей, по всем признакам разбойников. Наконец, в последних числах июня показались из-за невысокой горы вершины финиковых пальм города Базмана. «Еще немного — и мы в тени их, около чудесной воды. Невыразимо приятно чувствуешь себя, когда после целого ряда переходов через раскаленные, безжизненные горные пустыни очутишься среди массы зелени, слышишь поминутно птичьи голоса, видишь журчащую, прозрачную, вкусную воду» (43, стр. 218).

В Базмане З а р у д н ы й отпустил людей и верблюдов, взятых из Сеистана, пять дней экскурсировал по окрестностям, а затем двинулся с новым караваном в Бампур.

Дорога шла горами, сначала покрытыми довольно богатой растительностью, а дальше — пустынными, хотя и перерезанными довольно многочисленными ручьями. Жара стояла страшная: 6 июля в 4 часа пополудни в тени было 56° С.

Перед Бампуром появились бугристые пески, «изобильно поросшие незнакомыми, пышными, высокими кустарниками и акацией. Эта последняя образует здесь уже настоящий лес, — первый после лесов Герри-руда. Я останавливаюсь в тени и, дождавшись отставшего каравана, делаю несколько глотков воды. Усталость проходит и чувствуется прилив бодрости: «Ну», думаю: «здесь уже должны встречаться южные, индийские птицы», и снимаю ружье из-за плеч. И точно: в тот-же момент слышу хлопанье крыльев у вершины дерева, вижу какого-то незнакомо-го ястреба, стремительно вылетающего из чащи, и валю его метким выстрелом. Беру к своей добыче и с восторгом узнаю в ней индо-малайского *Butastur teesa*. Вслед за громом выстрела слышу резкие, незнакомые крики; поспешно подобрав убитую птицу, я мчусь туда, откуда они раздаются, как-то неожиданно выпугиваю какую-то куропатку и, застрелив ее, признаю в ней *Ortygornis ponticerina*, которую до сих пор еще никогда не держал в руках. Радости моей нет границ, и я торжествую... Вдруг, совсем близко, раз-

дается странный свист; я оглядываюсь и замечаю крошечную птичку, кажущуюся совершенно черною; вкладываю в ружье мелкодробный патрон и, несколько секунд спустя, первый раз в жизни рассматриваю великолепного медососа (*Nectarina brevirostris*). Чувствую, что глаза мои смеются от удовольствия, что лицо складывается в улыбку и что вид мой для постороннего наблюдателя, каким в данном случае является один из моих людей, смотрящий на меня весьма подозрительно, становится совсем глупым» (43, стр. 237).

Нельзя удержаться, чтобы не привести описания Зарудного его первой ночи, проведенной в Бампуре. «С солнечным закатом подул обычный здесь в это время года жаркий южный ветер, закаркали индийские сиворакушки, усаживаясь на ночлег в соседних пальмах, стали перекликаться проснувшиеся индийские сычики, а на фоне потускневшего знойного неба замелькали летучие мыши, порою останавливаясь на месте и словно купаясь в горячем воздухе. Из цитадели донеслись звуки рожка вечерней зори и голос муллы, призывающего правоверных к молитве, а совсем близко закричала, завывала, захохотала и заплакала большая стая шакалов. Потом все стихает. У меня проходит сон, но я не сожалею о нем, так как чувствую, что и без него хорошо отдыхаю в наступившей тишине. Сидя у фонаря, я набиваю ружейные патроны на завтрашний день, потом заносу в записную книжку дневные наблюдения и одновременно ловлю насекомых, прилетающих на свет огня. Душою моею овладевает беспричинный восторг; я люблюсь на блестящие звезды, прислушиваюсь к неясным звукам горячей южной ночи, наслаждаюсь одиночеством и восхищаюсь тишиною» (43, стр. 239).

Почти месяц (с 8 по 30 июля) Зарудный, имея штаб-квартирою Бампур, экскурсировал вдоль Бампурской речки — вниз на 70 верст и вверх до г. Фарра, собирая богатую добычу. Вместе с тем он дожидался гонца, посланного им в Сеистан за деньгами¹, и пытался нанять верблюдов для движения дальше к берегам Аравийского моря. Но, из боязни воровских шаек, никто из владельцев не соглашался отпустить своих животных за ту плату, которую Зарудный мог предложить. «Оставалось возвратиться в Базман, дожидаться там денег из Сеистана, которые должны были прийти через несколько дней, и, отказавшись от намерения посетить берега Оманского залива, заняться исследованием Керманских гор. Утешением для меня служило то обстоятельство, что в области Бампурской реки мне удалось связать английские исследования фауны южной Персии с русскими, большую часть моими собственными, — северной части этого государства» (43, стр. 256).

2 августа, пройдя старой дорогой, Зарудный достиг г. Базман. Здесь он пробыл несколько дней, экскурсируя по окрестностям и дожидаясь известий из Сеистана. Но 7 вернулся посланный с известием, что деньги не прибыли (они были получены лишь много позже — в сентябре). Так как в распоряжении Зарудного оставалась лишь сумма, на которую с грехом пополам можно было пройти только в Сеистан, то ему «пришлось» возвращаться назад, отказавшись от исследования и гор Кермана».

¹ Туда ежемесячно должно было высылаться его содержание по Псковскому корпусу; отметим, что, уезжая из Петербурга, Зарудный имел только 1 800 руб., полученных им от Географического общества.

Наняв четырех верблюдов (больше не было) и 6 ишаков, Зарудный с караваном и 7 людьми 9 августа покинул Базман и направился старую дорогою в Падаги, куда пришел через неделю. Несколько не доходя Падаги, на Зарудного, шедшего по обыкновению пешком впереди каравана, было совершено нападение, но разбойники промахнулись и две пули ударили о камень, на который он присел, не причинив ему вреда, и он вскоре благополучно присоединился к подошедшему каравану. От Падаги караван свернул на северо-восток и по новой дороге горами, сперва низкими, пустынными и совершенно безлюдными, позже — более высокими, покрытыми травянистой и кустарниковой растительностью и имеющими, хотя и редкие, поселения, 22 августа достиг урочища Ляадис. Отсюда Зарудный сделал недельную экскурсию к горе Кух-и-Туфтан, которая представляет собою потухший вулкан и самую высокую вершину юго-восточной Персии. Хотя 24 августа к Зарудному явился офицер индийской «службы» и в решительных выражениях советовал возвратиться назад, в противном случае угрожая арестом, Зарудный все же рискнул идти дальше и через два дня поднялся на вершину Кух-и-Туфтан и определил ее гипсометрически.

В последних числах августа Зарудный выступил из Ляадиса и, пройдя пустынными горами сперва на северо-восток, а затем свернув на запад, к 1 сентября прибыл в урочище Дуз-аб. Отсюда он двинулся прямо на север по старой дороге. «Пустынный характер страны принял еще более неприветливый и угрожающий характер. Скучная растительность, не считая тамарисков и саксаула, окончательно высохла или, по крайней мере, сбросила свою листву и казалась сухою». 5 сентября караван прибыл в Гурмук, а на следующий день вечером к развалинам Гумбез-и-Терденрик. «После нескольких часов безуспешных поисков находящихся около них колодцев, мы решаемся искать их утром. Пить хочется страшно: последняя вода была выпита вскоре за полднем; после жаркого дня и непрерывного движения ждать еще несколько часов кажется тяжелым. Утром мы действительно находим колодцы, но вода их для питья оказывается негодною: бурая, как шоколад, вонючая, горькая и, что печальнее всего, соленая... Все падают духом, только Регимдад (мой проводник) не унывает и, в знак клятвы показывая на свою седую бороду, обещает через несколько часов привести караван к колодцам с хорошою водою. Дав немного отдохнуть нашему скоту (ишаки отказались от водопоя), мы вьючим его и направляемся к северо-востоку, где, по словам Регимдада, есть колодцы на более близком расстоянии, чем известные мне Чах-и-Джану и Чах-и-Кечули. Вскоре один верблюд падает; градом сыпятся на него удары, но он уже больше не встает. Перевьючив бар, мы идем дальше, по прежнему без дороги, и час проходит за часом. Среди своих людей я слышу звуки рыдания и возгласы: «Зачем мучиться и идти дальше: мы все равно умрем». Регимдад объявляет, что он спутался, что к вечеру мы будем у воды, но на этот раз он уже не трогает своей бороды. Снова идут часы за часами, солнце скрывается за горизонтом и наступает ночь. Рот и горло пересохли, язык шуршит как бумажный, в глазах стоят огненные круги и сыпятся искры. Пройдя еще несколько часов, — всего мы сделали за этот день 46 верст, — я из боязни, что вьючный скот откажется служить окончательно, приказываю остановиться и дать ему отдохнуть... Я спрашиваю Регимдада, что нам делать

дальше. Он молчит и подымает руки к небу. Тогда мы решаем, дав отдохнуть верблюдам и ишакам, идти на северо-запад, к Хамуну. Наступили тяжелые минуты: голова кажется налитой расплавленным свинцом, виски сжимаются как тисками, в мозгу что-то сверлит и ноет, губы трескаются, и из ранок вытекает густая темная кровь, которая тут же запекается. Все мы почернели и страшно похудели. Я понимаю наше критическое положение, и мне безумно жалко потраченного труда и собранных коллекций. Через полчаса после остановки я слышу хриплый от жажды крик Джангира: «Дуз! дуз!» (воры! воры!), и при свете звезд вижу, как несколько человек белуджей гонят наших ишаков и верблюдов прочь от стана... Один из моих людей лежит без памяти, двое отстали еще днем, и для них мы оставили приметы; я остаюсь с Пир-Магомедом и Регимдадом караулить багаж, а препаратора Литвинова с переводчиком посылаю отбивать наш скот. Вскоре раздаются учащенные выстрелы берданок. В то же время к стану подлетает всадник на верблюде, но зарядом картечи из своего дробовика я заставляю его опрокинуться на верблюжий горб; животное пугается выстрела и скрывается со своею ношей в тамариковых кустах. Все обходится благополучно: скот водворяется на место, а мы избавляемся от крупной опасности, так как если бы разбойникам удался их план, мы вряд-ли дошли бы до воды, а я во всяком случае лишился бы всего экспедиционного имущества...

«Часа в два пополуночи, 8 сентября, забрав больного, который к счастью скоро пришел в себя, и оставляя для оставшихся знаки, мы двинулись дальше. Пройдя около тридцати трех верст в западном и северо-западном направлении и потеряв еще одного верблюда, мы были принуждены остановиться, так как скот отказывался идти дальше. Кое-как расставлена была палатка и расположен багаж. Литвинов впал в беспамятство и стал бредить; у людей, еще державшихся на ногах, в глазах явилось растерянное и безумное выражение. Вероятно такое же выражение было у меня, так как ко мне вдруг нагибается Пир-Магомед и говорит: «Сагиб, не бойся: ты умираешь вместе с мусульманами, и я буду просить бога и его пророков, чтобы ты попал в рай; я сеид, и просьба моя будет исполнена». Ишаки собрались толпой у входа в палатку, трогательно смотря в глаза людям и так же, как люди, стонут и хрипят... Наступили самые жаркие часы дня и я не берусь описывать муки, которые все мы испытывали. Через некоторое время притащились отставшие люди, дрожащие, почерневшие, похудевшие; не произнося ни слова и ни на кого не глядя, они бросаются на дно палатки и затихают. Я чувствую, что мною овладевает ужас и отчаяние: умирать таким образом кажется нелепым, бессмысленным». Между тем все предвещало неизбежность скорой гибели. Однако уже ночью, когда всякая надежда казалась утерянной, одним из трех белуджей, которые еще могли двигаться и говорить, в семи с половиной верстах от стана была найдена вода. Люди и животные были спасены. «Находясь на краю гибели, мы избегли ее, говорит Зарудный, главным образом благодаря своей выносливости. Без воды и при усиленном движении (шли все время пешком и сделали более 90 верст) мы пробыли почти двое с половиною суток, причем погода в эти дни стояла довольно жаркая», именно: днем около 46°.

На следующий день, 9 сентября караван дошел до разливов Ха-

муна, а еще через день вышел у с. Вермаль на старую дорогу, которою прибыл 12 сентября в с. Авселлабад. Здесь Зарудный оставался с неделю, деятельно экскурсируя по окрестностям, в частности по болотам, «кишмя кишевшим различною пернатою дичью, где я мог вдоволь охотиться, пополнять свои коллекции и, самое главное, отдыхать душою, не видя людей, не слыша их говора и оставаясь наедине с природою, которую я так безумно люблю».

24 сентября Зарудный с новым караваном старую дорогой, местами лишь с незначительными отклонениями, направился назад в Россию. Путь его продолжался более месяца и лишь 31 октября он прибыл в Мешед. Отсюда, спустя 10 дней, Зарудный с препаратором на фургоне выехал через Кучан в Асхабад.

От К. М. Федорова, издававшего в то время «Закаспийское Обозрение», мы получили следующие не лишние интереса сведения. В Асхабаде Зарудный очутился в весьма затруднительном положении — ему не на что было отправить собранные коллекции в Петербург. Сперва он просил помощи у начальника Закаспийской области А. Н. Куропаткина, но, получив отказ, обратился в редакцию «Закаспийского обозрения», которая и помогла ему. К. М. Федоров хорошо помнит свою встречу с Зарудным, когда он явился в редакцию обветренный, худой, утомленный, в обносившейся одежде. Повидимому, эта внешность и была причиной недоверия Куропаткина. Впоследствии, когда вышла «Экскурсия по северо-восточной Персии...» (1900 г.), Зарудный послал ее Куропаткину, бывшему уже военным министром, и получил от него 5 000 рублей. Эта сумма — огромная для Зарудного — вполне поправила его денежные дела, находившиеся в весьма плохом положении.

Результаты этого восьмимесячного путешествия, в которое было пройдено свыше 4 000 верст, выразились в многочисленных термометрических, барометрических, гипсометрических и других наблюдениях физического характера, в производстве маршрутно-глазомерной съемки страны, лежащей между Сеистаном и Бампуром, относительно которой на всех русских и английских картах была полнейшая путаница, в многочисленных поправках и дополнениях «к картам Восточной Персии», в зоологических сборах по всем группам животных (одних позвоночных собрано более 2 100 экземпляров). Что касается гербария, то он, вместе с небольшой минералогической коллекцией и небольшой же, но весьма ценной частью зоологических сборов, был оставлен и спрятан в пустыне 8 сентября, когда путешественники блуждали в поисках воды, и впоследствии найден разграбленным.

Уже в первых числах мая 1899 г. Зарудный закончил свою книгу «Экскурсия по Восточной Персии» (1901), в которой дается общегеографическое описание путешествия 1898 г. Орнитологические же наблюдения и сборы послужили материалом для специальной книги «Птицы Восточной Персии» (1903). В ней «Восточная Персия от русской границы на севере и включительно до Бампурской котловины на юге» разделяется на шесть зоогеографических участков и сообщаются данные о 421 форме птиц. Особенно подробно Зарудный останавливается на таких малоизвестных птицах, как нектарка (*Cinniris brevirostris*), буль-буль (*Melpastes leucotis*), бурнезия (*Burnesia lepida*), черноголовый ремез, описывая их поведение, гнезда, яйца, линьку.

Наконец, наблюдения над низшими позвоночными были изложены в статье «О гадах и рыбах Восточной Персии» (1904), она служит дополнением к работе систематического характера А. М. Никольского «Пресмыкающиеся, амфибии и рыбы второго путешествия Н. А. Зарудного в Персию в 1898 г.» (Ежег. Зоол. муз. Акад. наук, т. IV, 1899, стр. 375), в которой приведено 69 форм, из них многие описываются как новые. Из статей по беспозвоночным, основанных главным образом на сборах этого путешествия Зарудного, упомянем работу Reuter «*Capsidae persica a D:о N. A. Zardny collectae*» (Ежегод. Зоол. муз. Акад. наук, т. IX, 1905, стр. 5), содержащую описания двух новых родов и семи новых видов, и Virgula «*Beiträge zur Kenntnis der Scorpionenfauna Ost-Persiens*» (Изв. Акад. наук, т. XII, 1900) с рядом новых форм.

Уже в 1900 г. Зарудный, опять по поручению Русского географического общества, но при участии Военного министерства, предпринял «третье путешествие в Восточную Персию». На этот раз с ним поехали орнитолог М. М. Гермс, в качестве фотографа, и препарататор С. Александров. Выехав 20 сентября из Петербурга, они 25 сентября прибыли в Баку, 26 — в Красноводск, где наблюдали пролет, а 28 — в Асхабад. Здесь они привели в порядок дела, наняли переводчика Адж и 4 октября выехали на фургоне через г. Кучан в Мешед, куда прибыли 10-го. В Мешед экспедиция снарядилась окончательно и 19 октября двинулась караваном на 6 мулах и 8 ишаках при 3 погонщиках в Сеистан. До Календэр-абада Зарудный шел дорогой, уже хорошо известной ему по предыдущим путешествиям, но от Календэр-абада он свернул на юг, перевалил покрытые арчей горы (к югу отсюда арча уже не встречается и сменяется всецело фисташкой) и по широкой, хорошо орошенной и густо населенной, долине прямым путем прошел в с. Кяриз, что сократило путь на несколько десятков верст. Из Кяриза, как и в 1898 г., была совершена двухдневная экскурсия к Герри-руду ради наблюдения за пролетом, который, однако, уже кончился. 4 ноября экспедиция двинулась дальше и, пройдя той же дорогой, что в 1898 г., лишь местами несколько отклоняясь от нее, через три недели прибыла в Бендун, а 29 ноября расположилась на берегу разлива Хамуна. По дороге в Сеистан зоологические сборы были не особенно богатыми, зато в самом Сеистане «пришлось работать не покладая рук. Гром и стояли в воздухе от голосов и шума крыльев миллионов птиц, собравшихся сюда на зимовье. Тучи лебедей, гусей, пеликанов и уток, затмевая солнце, носились в различных направлениях, наполняя мою душу диким восторгом и необузданною радостью». Поохотившись здесь сутки, Зарудный 1 декабря нагнал свой караван в сел. Авселлабад и вместе с ним к вечеру дошел до г. Гюссейн-абад, где помещалось русское вице-консульство. Здесь он пробыл до 22 декабря, совершая экскурсии к северу и северо-западу верст на 35 и на северо-восток верст на 30 (берег Нового Гильмэнда). Затем, сформировав караван из 12 верблюдов при пяти белуджах, Зарудный двинулся на юг через Сеистанскую пустыню той же дорогой, что шел в 1898 г., и 2 января 1901 г. достиг урочища Гурмуку. Пустыня местами имела безотрадный характер, но стояла сырая погода, а 29 декабря весь день шел сильный дождь. За несколько переходов до Гурмука Зарудный имел первое столкновение с англичанами: «Подходя к английской станции Чах-и-Новар, я слышу возгласы: «урус, урус!» и вижу

5 человек афганской прислуги: один из них кричит мне: «боро!» (прочь, вон!) и прицеливается из винтовки, а остальные, сделав злобные глаза, ругательски ругают Россию и Персию. Тогда я снимаю с плеч ружье и, поклявшись, что застрелю кого-нибудь, если не прекратят ругань, подхожу к загороди и спрашиваю о причине подобного отношения. «Имеем хукму (приказание) от сагиба Тренча (английский консул в Сеистане Chenevix-Trench) не пускать русских людей к колодцам и гнать их выстрелами»,—отвечает один из нахалов: «боро!». «Попробуйте сделать это»,—возражаю я и, велев передать мистеру Тренчу некоторые эпитеты, приказываю развьючить часть каравана у наварских колодцев, а другой части отойти несколько дальше, где в лужах имелась хорошая дождевая вода, а около — обильный корм для верблюдов» (188, стр. 85). Уже в окрестностях самого Гурмука З а р у д н ы й имел еще одно столкновение. Во время экскурсии к нему подошел вооруженный афганец с требованием, чтобы он увел отсюда свой караван, «так как здесь английская земля», грозя в противном случае вызвать помощь и применить силу. «Я разбил об его физиономию палку от энтомологического сачка и объявил на следующий день дневку», пишет З а р у д н ы й (188, стр. 89), но больше никто не являлся.

Через 4 дня З а р у д н ы й знакомо уже ему дорогою пришел в урочище Дуз-аб, а 12 января — в Ляадис, в окрестностях которого экскурсировал несколько дней. Затем, свернув на юго-восток, уже новой дорогой направился в Джалк. Путь пролегал все время равниною — сначала каменистою, потом песчаную — и только вначале и перед самым Джалком пришлось сделать небольшие горные переходы. «Карты для страны, залегающей между Ляадисом и Джалком, пишет З а р у д н ы й в своем предварительном отчете 1902 г. (45, стр. 141), ниже всякой критики, и пользоваться ими не представляется буквально никакой возможности, так же как и теми, которые изображают страну между Сеистаном и Бампуром в районе путей, сделанных мною в 1898 г.».

Горы к югу от Дуз-аб пустынные и совершенно обнажены и «я представляю себе, говорит Зарудный, какой ужас царит в них летом, в жаркие дни. Ночью, при лунном освещении, они представляли оригинальный эффект, так как, изобилуя выпареною солью, казались покрытыми снегом. Иллюзия зимы была бы совершенно полною, если бы не воздух, который не был зимним (в полночь $+30^{\circ}$ С), если бы не летевшие на огонь свечи, зажженной в палатке, бабочки и не кусающиеся комары и если бы не крупные летучие мыши, мелькавшие перед входом» (188, стр. 107). Далее к юго-востоку раскинулась широкая бесплодная равнина Талаба, лишь местами поросшая саксаулом и тамариксом. Место Камир, куда экспедиция прибыла 24 января, производит жалкое и печальное впечатление, и вода здесь бывает только во время сильных дождей. Подходя к нему, путешественники заметили небольшой караван — это были первые люди после Дуз-аб. «При нашем приближении караван быстро скрылся за извилистый яр. В то же время над этим последним показались четыре человеческих головы, блеснуло четыре ружейных ствола и задымились фитили. Когда мы подошли к этому месту шагов на сотню, крича, что мы русские путешественники, люди встали и загасили огонь. Однако, еще в течение нескольких минут они смотрели на нас испуганными, недоверчивыми глазами; нас было больше, мы были хорошо вооружены,

и с нашей стороны ожидали насилия. Так в этой глухой стороне встречаются караваны!» (188, стр. 127).

За Камиром дорога тянется солонцами, бесплодными солонцеватыми глинами и дикими, в высшей степени пустынными лутами (каменистыми пустынями). Далее, в местности Гурани, представляющей собой обширную низменность, она входит в редкий пальмовый лес. Постоянного жилья в Гурани не имеется, и люди более или менее длительно пребывают здесь только на время сбора фиников. Для жилья, как и везде в Белуджистане, служат сделанные на скорую руку шалаши, а для обороны в случае нападения — четырехугольные глинобитные блокгаузы с бойницами и плоскими крышами из пальмовых стволов и вай. Место, в котором скучено до 25 хижин и расположено особенно много блокгаузов, величается белуджами как «шар», т. е. город. За Гурани тянутся пески, местами поросшие одинокими пальмами, имеются и солонцы... Наконец, в последних числах января экспедиция достигла большого и богатого оазиса Джалк с великолепными пальмовыми парками и многочисленными полями.

Согласно первоначально намеченному плану, Зарудный должен был из Джалка итти на восток в Келатский Белуджистан. Но выполнить это не удалось. В день прихода экспедиции в Джалк к Зарудному явился посланный от Ноуруз-хана харанского, с которым Зарудный познакомился в 1898 г. и который обещал содействовать русскому путешественнику в следующий его приезд, и от имени своего господина передал просьбу, чтобы Зарудный не ходил на восток, если не желает лишить его английской субсидии и поставить в неловкое положение, так как имеет приказ арестовать Зарудного и доставить его в Кветту. Пришлось отказаться от дальнейшего движения на восток, свернуть к югу и ограничиться исследованием «Персидского Белуджистана».

Путь от Джалка в Дизак пролегал большею частью холмами и невысокими, но мрачными и дикими горами. Местами по водостокам встречались густые заросли низкорослой, стелющейся вееролистной пальмы — притоны шакалов, лисиц и зайцев. Ручьев и человеческих поселений, окруженных пальмовыми рощами и фруктовыми садами, довольно много. В районе Дизака было не спокойно: большие и малые шайки вооруженных белуджей бродили по стране, отыскивая и подстреливая отбившихся от главного стана персидских правительственных воинов. Зарудный, поддерживая хорошие отношения как с начальником правительственного отряда Гашим-ханом, так и с главой повстанцев Байрам-ханом, двинулся 8 февраля далее на юг, хотя он имел сведения, что люди Мир-Абдулла-хана джалкского, согласно желанию англичан, имеют намерение убить его. В письме к русскому генеральному консулу в Хорасане Гашим-хан, между прочим, писал: «Поистине удивительно мужество Зарудного, сагиба, который один проезжал в такие места, несмотря на то, что френги старались погубить русских людей. Даже подкупали и предлагали пенсии... Только Зарудный, сагиб, мог проехать по таким местам, что заслуживает удивления, и хвала ему» (188, стр. 169).

Дорога из Дизака в Мегас все время шла горами, и каравану пришлось преодолеть ряд трудных перевалов. 10 апреля, «спокойно следуя по дороге, мы вдруг увидели несколько ляшкеров (воинов), которые с ясно долетевшими до нас криками: «идут, идут...» бросились бе-

жать к попутным высотам, на вершинах которых, как можно было рассмотреть в бинокль, между камнями, красными и белыми пятнышками виднелись головные уборы людей и голубыми струйками курились зажженные ружейные фитили. Когда караван приблизился к этому месту, когда перед его фронтом несколько пуль запылило землю и раздался треск выстрелов, я, г. Гермс и Александров побежали к разбойникам и живо разогнали их учащенной пальбой из берданок и имевшегося у меня десятизарядного пистолета маузера» (188, стр. 180).

Несколько позже, «когда караван спустился в теснину, чтобы вслед за тем начать подъем на перевал, в стороне от нас раздался крики, требовавшие нашей остановки. Приказав шатундарам поскорее увести верблюдов наверх, а самим с г. Гермс и Александровым занять позиции на господствующих высотах, я силою задержал при себе переводчика и остался на дне теснины под надежным прикрытием товарищей. Тогда ко мне сначала подошло пять белуджей, а потом целая толпа их. Косясь на моих людей, ружья которых поблескивали между скалами и которые в несколько минут могли произвести среди них изрядное опустошение, белуджи вложили в ножны свои кривые сабли, загасили фитили и объяснили, что им отдан Гулям-Рассуль-ханом приказ уничтожить нас, но что они предпочитают оставаться в добрых отношениях с русскими ляшкерами... Да и как было им не говорить о таковых отношениях, когда мы во-время успели занять неприступные для них позиции и когда дальше за перевалом уже начинались земли дружески к нам расположенного Шах-Джуан-хана, правителя страны Мегас» (188, стр. 180).

Мегас — богатый оазис с великолепными пальмовыми парками и обширными хлебными полями, заброшенный на плоскогорье среди пустынных и порою малодоступных гор. Прожив в этом оазисе два дня, экспедиция двинулась к верховьям одной из самых значительных рек «Персидского Белуджистана» — к Руд-и-Сарбаз. По дороге были преодолены два высоких перевала. Благодаря дождям, прошедшим в начале января, недостатка в воде не было.

17 февраля было сделано второе и последнее покушение на Зарудного людьми Мир-Абдулла-хана. Когда Зарудный, отстав от каравана, бродил по лесу, ловя насекомых, раздался выстрел, и пуля провизжала мимо его уха. «Стреляли близко, и только каким-то чудом снаряд не пробил головы (несколько дней после того я страдал головною болью и ходил глухим на правое ухо)» (188, стр. 194).

Вдоль Руд-и-Сарбаз караван шел 15 дней, сделав около 180 верст, после чего, немного ниже Багу-келат, свернул на запад, оставив реку на левой руке. Долина Руд-и-Сарбаз густо покрыта древесными насаждениями. Чудные, тенистые пальмовые парки вместе с вообще возделанными участками земли тянутся почти непрерывно на целый десяток километров. Местами произрастают густые леса высокоствольного тамариска «кур-гязь». «Хорошо в пальмах в это время года! Повсюду виднеются цветущие тюльпаны, мак, лютики и ирисы вместе с другими незнакомыми растениями. Теплый воздух наполнен благоуханием и сыростью, несущаяся с наводненных полей. Со всех сторон раздается птичье пение, а по древесным стволам мелькают проворные полосатые белки «эрдок» (*Sciurus palmarum*)» (188, стр. 200). «Бродя среди пальм, часто встречаешь мангуст, становящихся на

дыбки и с любопытством поглядывающих вокруг, полосатых белок, галолирующих в нескольких шагах впереди, хвост изогнувши дугою. Часто видишь великолепных медососов, синими искрами мелькающих в кустах, а вокруг кукуют кукушки (*Cuculus spec?*), хохочут горлички (*Streptopelia dougasa*) и прекрасные альционы» (188, стр. 207). «Манят к себе здешние оригинальные леса, в которых так много любопытного, в которых сказывается близость Синда и Индии и которые являются типичными выразителями резко обособленного зоологического участка Иранского плоскогорья. В них царит оживление, в них ждет меня богатая добыча... Там и здесь постукивают о древесные стволы синие дятлы, рыдают и хохочут голуби, слышатся отрывистые крики индийских франколинов и резкие возгласы индийских куропаток..., индийские сиворакушки проделывают в воздухе замысловатые пируэты, блистая под лучами яркого солнца своим красивым нарядом... вдруг невдалеке от себя заметишь стремительно несущегося к ближайшей воде бенгальского варана, а близко над головой, на ветви, свисшей с дерева, воровски притаившуюся древесную ящерицу (*Calotes versicolor*). В поисках за добычей быстро проходит час за часом, смеркается, смолкают дневные голоса и наступившая тишина неожиданно нарушается звонким трещанием миллионов медведок, сверчков и козодоев (*Caprimulgus maharattensis* и *C. aegyptius*), заунывными криками индийских сычиков (*Athene brama*) и, под грохот рушающихся речных берегов, какими-то другими уже непонятными звуками ночи» (188, стр. 225).

Путь от Багу-келат до порта Чахбар, который был сделан в 11 дней, пролегал по богатой, в общем густо населенной стране. Сначала он шел равниною, затем горами. 11 марта караван поднялся на последний плоский и малозаметный перевал. «С его высоты уже видно море... Я мысленно кричу: ура! и чувствую, что улыбаюсь от счастья и радости... Итак, Иранское плоскогорье пройдено нами поперек и притом в самом широком месте» (188, стр. 245, 246).

В Чахбаре З а р у д н ы й пробыл три дня, почти все время посвятив экскурсиям по морскому побережью.

«В течение моих многолетних странствований на юг, начиная почти непрерывно от границ Пермской губернии, природа в благодарность за страстную мою любовь к ней порою дарила меня любопытными находками и возможностью наблюдать некоторые сокровенные явления в образе жизни животных. В этом отношении она не изменила мне и на берегу Индийского океана. Уже на следующий день по приезде в Чахбар мне удалось увидеть крокодила, который лежал на прибрежных скалах. «Это твое счастье, сагиб», сказал мне проводник, когда я вернулся после того, как наперерез побежал к громадной ящерице, не мог нагнать ее в меру выстрела круглою пулею и она исчезла в кипящей волне прибоя: «это твое счастье: прошло уже много лет с тех пор, как видели последний раз эту тварь на здешних берегах». А вот еще другая находка, для Персии случайная редкость: исполинская черепаха (*Eretmochelys imbricata*)! Свесивши свои неуклюжие толстые ноги, она лежит на отшлифованном камне и, подняв голову, точно лобуетя небом. Близко, совсем близко подкрался я к ней, раздумывая, в какое место пустить ружейный снаряд, ударил в шею и ... промахнулся: понизила пуля, хлопнулась об скользкий камень и с визгом понеслась над водою, делая по ее поверхности рикошеты. Черепаха как-бы остоленела, еще прямее подняв голову

к небу, и затем неожиданно быстро засуегилась и скрылась в воде. Бродя по банкам, я замечаю множество никогда ранее мною не виданных животных: морских ежей, медленно ворочающих своими темнофиолетовыми иглами, разнообразных морских звезд, то неподвижных как камни, то змеями извивающих свои тонкие хрупкие, при прикосновении ломающиеся на куски лучи; вижу голотурий, пропускающих фонтаны воды, всевозможных червей, которым по их красоте и оригинальности не приложимо это название; вижу великолепных разноцветных актиний и скромных губок, копошащихся каракатиц и всевозможных моллюсков, соперничающих друг с другом по красоте и разнообразию форм. В высшей степени поражается внимание чрезвычайным обилием креветок, лангуст и в особенности крабов. Что касается до крабов, то каких только нет между ними. Одни массивные и твердые как камень, но проворные, другие в случае опасности поджимают под себя ноги и на камень совершенно не ходят, третьи плоские, с такими громадными, хотя и хрупкими, как стекло клещами, что сравнительно с ними размеры всего тела кажутся ничтожными. Величайшее множество крабов-отшельников, которые вместе с раковинами, служащими им жилищем, словно нарочно целыми кучами насыпаны на каменистых мелях; тут карабкается краб, точно зверок, поросший густою, лохматою шерстью, а рядом с ним копошится другой, весь покрытый зубцами и острыми колючками. Но сырым пескам целыми стаями мчатся длинно- и высоконогие крабы, особой породы, издали похожие на больших пауков; их норы устланы песчаные берега, при чем у каждой норы выметан вырытый из нее песок в виде конуса или остроконечной башенки, иногда почти в фут высоту. В лужах и озерах, остающихся после отлива, я люблюсь диковинными, разноцветными рыбами: одни круглыми, щершавыми или колючими пузырями всплывают наверх, другие вьются змеей, третьи мелькают блестящими искрами, отливают радугой, повисают в затененных частях воды странными, причудливыми силуэтами. В одном месте я застрелил трехпудовую рыбу поразительной красоты. Особенно симпатичны мелкие рыбешки, по форме тела напоминающие наших гольцов, но с толстою и короткою, как у мосек, головою, украшенною гребешком и рожком. Одни из них черно-синие, другие с поперечными или продольными полосами. Эти рыбки отлично лазают по сырым скалам, облепленным водорослью, и ловко перепрыгивают из одной лужи в другую. При преследовании прячутся под камни или в норки, забиваясь в них задом вперед. Часто приходится видеть грациозных морских змей, главным образом в таких местах побережья, которые укрыты от прибою» (188, стр. 251—253).

15 марта 1901 г. Зарудный двинулся назад, на север. Путь из Чахбара в селение Гэ тянулся преимущественно плоскостями то высокими, то низкими, большею частью пустынными и покрытыми невысокими кустами, да отдельными редкими деревьями. В нескольких местах пришлось преодолеть высокие и для верблюда трудные перевалы через пустынные горные цепи. Значительная часть пути лежала по водостокам, в которых развивается, как и везде в Иране, порою весьма пышная растительность. В воде недостатка не было, хотя в большинстве случаев она была дождевою — сохранилась с января—февраля. Селение Гэ, лежащее на значительной реке Кир, кроме укрепления на скале, состоит из нескольких блокгаузов и шалашей, разрабо-

санных небольшими группами среди пальм. Здесь, на помощь уставшим верблюдам, пришлось нанять еще четырех при трех людях. Еще до Гэ, спасаясь от раненого кабана, З а р у д н ы й ушиб себе ступню. Сначала он не придавал этому значения, но в Гэ нога сильно разболелась. «Помимо неопикуемых физических мучений я испытывал сильные нравственные муки, так как не было возможности ходить на экскурсии и коллектировать. Для съемки, где это было возможно, меня относили на руках. Я начал ходить, и то на костылях, только 19 апреля, когда началось заживление обширной раны, проникавшей до костей и произведенной несколькими нарывами. «Это его бог наказал», шептали мои сеистанские белуджи и за ними повторял А д ж и: «зачем он хочет все знать и водит нас на смерть». Сборя коллекций затихли. Единственным моим утешением за все это время была ночная ловля насекомых: в нескольких шагах от палатки растилалась скатерть, ставился фонарь, и меня относили к огню, около которого я пролеживал до поздних часов» (188, стр. 278).

Дальнейший путь лежал на Бампур через место Чамп. Он пролегал горами с трудными для верблюдов перевалами (три верблюда пали) по хорошо орошаемой и довольно населенной местности, и лишь не доходя Бампурской долины имелись безводные песчаные пространства.

В Бампуре, куда З а р у д н ы й прибыл 13 апреля, он прожил в гостях у Г а ш и м - х а н а 5 дней. За это время был закуплен провиант для дальнейшего пути, наняты верблюды взамен погибших, приведена в порядок составленная З а р у д н ы м карта и изготовлены для него костыли, при помощи которых можно было делать маленькие экскурсии.

Закончив все эти дела, З а р у д н ы й 18 апреля двинулся в ур. Ляадис через сел. Фарра и Кальвандер. От Фарра экспедиция шла по руслу Руд-и-Дамин, местами безводному, и спустя неделю, перевалив пустынные горы, достигла с. Кальвандер. Как оказалось, страна между Фарра и несколько за Кальвандер на всех существовавших картах нанесена совершенно неверно. В Кальвандере путники в последний раз встретили вееролистные пальмы, столь характерные для южного Белуджистана. Дальше путь продолжался горами, почти лишенными населения, но в это время года довольно хорошо орошаемыми. Сначала путь был легкий, затем — для верблюдов тяжелый, и несколько животных пало. 11 мая, обойдя гору Кух-и-Туфтан с востока, З а р у д н ы й вышел на дорогу, пройденную им в прошлое путешествие. Отсюда он направил караван в урочище Ляадис, а сам с несколькими людьми сделал трехдневную экскурсию на гору Кух-и-Туфтан, в верхних ущельях которой лежало много снега. Пребывание на вершине горы было трудно от паров воды, серы и нашатыря, которые теперь выделялись в значительно большем количестве, чем в 1898 г.

Спустившись к подножию Кух-и-Туфтан, З а р у д н ы й узнал, что англичане хотят арестовать его караван, и поспешил на выручку в Ляадис. Здесь ему сообщили, что в день прихода каравана к нему подъехали вооруженные всадники и объявили от имени сагиба У о р р - У о п п е р (англичанина, директора Нушкинской дороги), что в случае попыток обследования окрестностей, они будут стрелять. Вместе с тем они запретили жителям продавать что-либо людям русского каравана и приставили к нему караульного. З а р у д н ы й прежде всего прогнал караульного, а затем обратился к случившемуся здесь

«вождю одного разбойничьего белуджистанского племени», прося его помощи людьми и обещая взять всю вину на себя, а отобранное оружие передать ему. «Разбойник с величайшей охотой принял мое предложение, но, к сожалению, никто более не являлся» (188, стр. 365). Этот же «полувождь-полуразбойник» помог Зарудному в найме верблюдов до Сеистана и в покупке провизии.

Путь из Лядиса в Сеистан был проделан той же дорогой, что в 1898 г. В Сеистане экспедиция пробыла около месяца (конец мая, большая часть июня). За это время были произведены короткие экскурсии в Адами к восточным окраинам Нейзара и в Гязь-и-бар, а также значительная (недельная) поездка в дельту Гильменда.

К 23 июня был сформирован в Гюссейн-абаде караван из 13 верблюдов, с которым путешественники той же дорогой, что прошел Зарудный в 1898 г., прибыли 10 августа в Мешед. По пути, как и всегда, Зарудный отделился от каравана и делал пешие боковые экскурсии. Распустив в Мешед караван и наняв фургон в Асхабад, 14 августа Зарудный выехал в Россию.

Таким образом в это путешествие Зарудный пробыл за границей десять с половиною месяцев и сделал, не считая экскурсий от мест стоянок, около 4 300 верст.

Результаты третьего персидского путешествия выразились в составлении карты Сеистана и карты (маршрутно-глазомерной) большей части Персидского Белуджистана (до сих пор не изданы!), в поправках и дополнениях к существующим картам, в метеорологических наблюдениях (термометрических, барометрических, гипсометрических, психометрических и др.), в описании маршрута и стран, по которым он пролегал, в зоологических и ботанических коллекциях (позвоночных было собрано свыше 4 000, беспозвоночных — десятки тысяч).

Уже в апреле 1902 г. Зарудный закончил свою большую книгу «Третья экскурсия по Восточной Персии» (1916), куда, кроме общего описания путешествия, вошли метеорологические данные. Относительно птиц, кроме ряда мелких статей систематического характера, им, совместно с М. М. Гермсом, была написана большая работа «Bemerkungen über einige Vögel Persiens», из которой вышли четыре части (1912, 1913, 1923 и 1926). Все сборы, кроме птиц, оставшиеся в основном у Зарудного, поступили в Зоологический музей Академии наук и были использованы рядом специалистов. В частности А. М. Никольский, в статье «Новые виды гадов из Восточной Персии, привезенные Н. А. Зарудным в 1901 г.» (Ежегодн. Зоол. муз. Акад. наук, т. VIII, 1903, стр. 95), описал три новых вида, а Becker и Stein, в работе «Persische Dipteren von der Expedition Herrn N. Z ar u d n y 1898 und 1901» (ibid., т. XVII, 1912, стр. 503) приводят 349 видов двукрылых (раньше из Персии их было известно всего 190 видов), из которых несколько родов и около 90 видов описываются как новые!

С сентября 1901 г. по конец августа 1903 г. Зарудный почти безвыездно прожил в Пскове. Лишь изредка наезжал он оттуда в Петербург, где обрабатывал свои сборы в Зоологическом музее Академии наук. В Петербурге же 2 сентября 1902 г. Николай Алексеевич обвенчался с Верой Александровной Зариной, с которой познакомился еще в 1900 г. в Пскове, где жила ее семья. Молодые поселились в псковской квартире Николая Алексеевича — «маленькой, уют-

ной, с коврами, цветами, чучелами птиц и живыми собаками—все это любил Николай Алексеевич» (В. А. Зарудная, in litt.). Жили они «счастливой, веселой, разнообразной жизнью» (ibid.), хотя в материальном отношении были крайне стеснены, так что Н. А. был вынужден продать разным лицам большую часть своей псковской коллекции птиц («Птицы Псковской губ.», стр. 3). Все это не мешало Николаю Алексеевичу охотиться, наблюдать птиц и трудиться в кабинете. Так весной 1903 г. им была обработана большая коллекция птиц из Семиречья, переданная в его распоряжение Б. П. Кореевым — бывшим учеником Н. А. по Псковскому корпусу (76).

Уже осенью 1903 г. Зарудный¹, оставив жену охранять свои коллекции и библиотеку, выехал в свое четвертое путешествие по Персии, на этот раз западной. Пробыл он в ней до 25 мая 1904 г. Средства на это путешествие, в размере 4000 рублей, были отпущены военным министерством по представлению Русского географического общества. Часть своего снаряжения, как и в два предыдущих путешествия, Зарудный получил от Географического общества и лично от его вице-президента П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Однако, об этой большой экспедиции Зарудного почти ничего не известно, так как общее описание ее не было опубликовано и известен только маршрут (58). В общих чертах он следующий: 16 сентября 1903 г. с. Бендер-и-Гязь на Каспийском побережье, экскурсии по окрестностям до 24 сентября; с 26 сентября по 4 октября г. Астрабад и экскурсии по его окрестностям; с 19 по 24 октября г. Дагман (Дамган) и его окрестности; с 25 октября по 18 ноября — переход через пустыню Дешт-и-Кевир; 18 ноября г. Наин; с 24 ноября по 13 декабря г. Исфаган и экскурсии по окрестностям; 30 декабря с. Альхоршир; 4 января 1904 г. Кут-и-Вейс; 29 января г. Магоммера; 2 февраля устье Каруна; 5 марта г. Шустер; 30 — с. Альхоршир; с 17 по 21 апреля г. Исфаган; 28 — г. Кашин; 2—3 мая г. Кум, 11 — г. Казвин; 17 — с. Манджил, 23 — г. Решт, 25 мая 1904 г. Энзели на Каспийском море.

Таким образом, за это путешествие Зарудный пробыл за границей восемь с половиной месяцев и сделал около 4000 верст.

Все зоологические сборы, кроме птиц, поступили в Зоологический музей Академии наук и послужили, между прочим, для следующих специальных статей: А. М. Никольский «Пресмыкающиеся и земноводные, собранные Н. А. Зарудным в Персии в 1903—1904 гг.» (Ежег. Зоол. муз. Акад. наук, т. X, 1905 г., стр. 260) — содержит 55 форм пресмыкающихся и 3 земноводных, описывается как новые ряд форм, в том числе два новых рода; А. Бирюля «Carnivora, собранные Н. А. Зарудным в Персии в 1896, 1898, 1900—1901 и 1903—1904 гг.» (ibid., т. XVII, 1912, стр. 219—280) — обработка коллекций и сводка всех данных Зарудного об иранских хищных, он же «Beiträge zur Kenntnis der Scorpionenfauna Persiens» (Изв. Акад. наук, XXIII, 1905, стр. 119—148) — обработка скорпионов последнего персидского путешествия Зарудного с описанием 3 новых видов и 1 подвида. Обширные энтомологические сборы всех поездок Зарудного, начиная с 1898 г., дали богатый материал для работ А. П. Семенова-Тянь-Шанского и некоторых других энтомологов.

¹ К этому времени относится фотография, помещенная в начале книги.

О птицах специально этого путешествия З а р у д н ы й ничего (кроме мелких статей систематического характера) не опубликовал. Но добытый им обширный материал вошел в большую сводку, содержащую данные по биологии, географическому распространению и систематике иранских птиц, которая еще в 1911 г. была вполне подготовлена к печати (см. Journ. für Ornith., 1911, p. 185). Из этой большой работы была составлена конспективного характера статья «Verzeichnis der Vögel Persiens» (1911)¹, которая содержит список 716 форм птиц, разбитых по зоогеографическим участкам с указанием гнездящихся, пролетных, зимующих и т. д., и примечания к 106 формам. Если сравнить этот список со списком Blanford («Eastern Persia», v. II, 1876), содержащим лишь 384 вида птиц, если учесть, что Blanford принимал для Ирана только 5 зоогеографических участков, а З а р у д н ы й выделил их 10, если, наконец, вспомнить, что Восточный Иран, кроме самого юга, до З а р у д н о г о в зоологическом отношении (да и не только в зоологическом) представлял собою полнейшую *terram incognitam*, то станет ясно, какую колоссальную работу он выполнил.

Казалось бы, что внимание З а р у д н о г о, в период его путешествий в Иран, должно быть всецело поглощено изучением этой страны, но на самом деле мы видим иное. За те 14 лет, которые он прожил в Пскове, исключая те месяцы, когда З а р у д н ы й уезжал на родину, на Украину (лето 1893, 1894, 1895, 1897, 1899 и 1905 гг.) и в Иран, он усердно изучал и коллектировал местных птиц, совершая для этого в летнее время далекие поездки. В частности, с января по сентябрь 1895 г., при поддержке Московского общества испытателей природы, он экскурсировал по разным местам Псковского и Островского уездов. К этому времени он собрал уже более 1 000 шкурок птиц, относящихся к 207 видам, и коллекцию гнезд и яиц от 91 вида, список же псковских птиц был доведен им уже тогда до 254—255 видов (28). Вообще лично З а р у д н ы м были в разное время обследованы уезды Псковский, Порховский, Островский и Опочецкий. Кроме того, он получал сведения о псковских птицах от целого ряда лиц, в том числе от бывших тогда гимназистами К. М. Дерюгина (впоследствии крупного зоолога и профессора Ленинградского университета) и К. Н. Давыдова (совершившего в 1897 г., будучи уже студентом, интересную зоологическую поездку в восточную Палестину и северную Петро-Аравию)².

Все эти сведения З а р у д н ы й собрал и, присовокупив к своим данным, опубликовал в книге «Птицы Псковской губернии» (1910), которую он подготовил к печати уже в январе 1907 г., находясь в Ташкенте. Эта книга, содержащая сведения о 285 формах птиц, до сих пор служит основной работой по птицам охваченной ею области.

* * *

Осенью 1906 г. З а р у д н ы й перевелся преподавателем кадетского корпуса в Ташкент, о чем он начал хлопотать еще за несколько лет

¹ Кроме того, в упомянутую выше совместную работу З а р у д н о г о и Гермса „*Bemerkungen über einige Vögel Persiens*“, начиная с 1913 г., вошли данные последнего путешествия З а р у д н о г о по Ирану.

² Таким образом, хотя К. М. Дерюгин и К. Н. Давыдов не были официальными учениками Н. А., но фактически он оказал на них большое влияние, пристрастив к зоологическим наблюдениям и поездкам.

до этого. Желание З а р у д н о г о поселиться в центре Средней Азии, откуда он легче мог исследовать обширную область, расположенную между уже изученными им Оренбургским краем и Закаспием, вполне естественно вытекало из его предшествующей деятельности. Влекла Средняя Азия Николая Алексеевича и своим солнцем и своей охотой и своей богатой, ставшей столь близкой ему природой.

Переезд был очень сложен, так как одни ящики и коробки с птичьими шкурками занимали целую комнату, кроме того, нужно было перевозить большую библиотеку и собак, «которых Николай Алексеевич так любил, что считал жизнь без собак невозможной» (В. А. З а р у д н а я, *in litt.*). Начало ташкентской жизни было омрачено бешенством собак и необходимостью Николаю Алексеевичу пройти курс прививок.

В Ташкенте З а р у д н ы й отдался всецело изучению фауны Средней Азии, как и всегда, главным образом, птиц. Зимой он коллектировал преимущественно в ближайших окрестностях города, но иногда, вырвав 2—3 дня, уезжал по железной дороге в более отдаленные экскурсии. Так, зимой 1906 г. он совершил ряд поездок на Сыр-дарью (ст. Вревская и Чиназ), и в дневниках этого года имеется характерная запись: «В декабре — ни одной дальней экскурсии!». В последующие годы излюбленным местом зимних поездок З а р у д н о г о была ст. Голодная степь (между Ташкентом и Джизаком), где он охотился в богатом водоплавающей птицей урочище Сардаба. С охоты Николая Алексеевича всегда возвращался веселый и довольный, обычно с огромным количеством дичи — одних гусей он приносил до 20 штук. На прилагаемой фотографии (Н. А. З а р у д н ы й на охоте) Николай Алексеевич снят после удачной охоты 8/XI 1914 г. в Сардабе, результатом которой было 3 дудака, 12 гусей и 38 уток (на снимке — 3 дудака, 4 гуся и 10 уток). Что касается летних каникул, то он проводил их как правило в отдаленных поездках, носящих часто характер экспедиций.

Уже в первые летние каникулы он ездил в Таласский Ала-тау и Кызыл-кумы. Именно, весь июнь 1907 г. З а р у д н ы й посвятил исследованию долины р. Пскем, вернувшись откуда, проехал по Ташкентской железной дороге в северо-западном направлении до ст. Ак-куль и, поэкспурировав 4 дня в тугаях Сыр-дарьи, предпринял двухнедельную поездку вглубь Кызыл-кумов (маршрут см. 87, описание кызылкумской поездки — 173).

Летом 1908 г. он ездил на неделю в южную Фергану (пески в районе ст. Мельниково и горы к югу от нее — окрестности Исфары), а на следующий год, на июнь и большую часть июля, — в северную Фергану, где экскурсировал в Ферганской долине между Новым Маргеланом и Наманганом, главным же образом в горах к северу от Намангана. Об этих двух поездках опубликованы только маршруты (218).

В своих работах, относящихся к этому году, З а р у д н ы й пишет: «Уже усталость сказывается: дает себя знать прожитое полувековье и тяжелая педагогическая служба; сказываются путешествия, экскурсии и охоты, из которых одни были совершены при маловозможных условиях ослепительного солнца, палящего зноя и сверкающих солончаков, а другие на громадных горных высотах, где порою, среди снегов, льдов, туманов и грандиозных скал с болью билось сердце, кружилась голова, темнело в глазах и подкашивались ноги; сказываются те восторги, которые я переживал, когда под моими пулями

и,
ую
не
ла
ой

нь-
те-
ич
д-
ом
ви-

ед-
оо-
да,
кс-
ст.
ная
ие
ла
лся
ко-
о с
ук.
лай
ль-
ду-
во-
тер

у и
ле-
нт-
уль
не-
кы-

ай-
, а
ую
ар-
На-
18).
ет:
тие
сур-
ных
со-
еди
дце,
зы-
ями

Н. А. Зарудный на охоте

падали звери, когда удачно охотился по дудакам, гусям и лебедям, когда находил что-нибудь любопытное...» (Орнит. Вестн., 1910, стр. 99—100).

Однако это была лишь временная усталость: уже в ближайшее лето 1910 г. он предпринял, вместе с заведующим Асхабадским музеем С. И. Билькевичем, большую поездку по Бухарскому ханству, во время которой частью пройдено, частью проплыто более 1000 верст. Совершена она была по поручению Русского географического общества. Имея при себе двух препараторов, Зарудный и Билькевич 20 апреля прибыли железной дорогой в Чарджуй. Здесь, дожидаясь парохода, они пробыли неделю, после чего проплыли вверх по Аму-дарье и 3 мая высадились в г. Келифе. Отсюда, пройдя на север, они обследовали горы Куги-Танг, спустились через Ширабад в Термез, поднялись верст на 50 вверх по Сухану, перевалили на Вахш, а затем на Пяндж, где экскурсировали в районе Куляба до 21 июля. После этого, спустившись вниз по Пянджу, наняли каюк и проплыли на нем до Термеза, с неделю экскурсировали по его окрестностям, а 31 июля сели на пароход, который через 3 дня доставил их в Чарджуй.

Результатом этой поездки были богатые зоологические сборы, поступившие (исключая птиц) в Зоологический музей Академии наук, гипсометрические высоты для 21 пункта и статья Зарудного „Летняя экскурсия по бухарским владениям летом 1910 г.“ (1917).

Н. Зарудный

(Сыр-дарья, лето 1911 г.)

Летом 1911 г. З а р у д н ы й, при моральной поддержке Русского географического общества, обследовал в течение июня и первой трети июля среднее течение Сыр-дарьи, проплыв на лодке от Чиназа до Перовска (подробный маршрут см. 140).

Еще через год опять по поручению Географического общества он совершил большую поездку вглубь Кызыл-кумов, которая заняла весь май, июнь и начало июля. Цель ее была отчасти общегеографическая, главным же образом, зоологическая, так как со времен Э в е р с м а н н а (1820) и Л е м а н н а (1840), по условиям своих путешествий не имевших возможности обращать особое внимание на животный мир средних частей Кызыл-кумов, они не посещались зоологами, и «достоверно не было известно, что творится в жизни животных этой страны ни в систематическом, ни в биологическом отношении» (169, стр. 155). Путь, пройденный З а р у д н ы м, был следующий: от переправы Уч-каюк на Сыр-дарье (около 40 верст к западу от г. Туркестана) он прошел в юго-западном направлении через пески к горкам Аристан-бель-тау, отсюда в оазис Тамды, обследовал горки Актау и Тохта-тау и вернулся к переправе Уч-каюк, пересекши пустыню в этот раз несколько западнее. Общий характер исследованной местности — пески, главным образом бугристые, среди которых местами поднимаются скалистые, пустынного характера, горки. Однако, животный мир оказался значительно богаче, чем можно было ожидать, и в горах Аристан-бель-тау совершенно неожиданно были найдены горный баран и очковая змея. Кроме богатых зоологических коллекций, З а р у д н ы й собрал образцы горных пород и производил метеорологические наблюдения и гипсотермометрические измерения.

Об этой поездке, весной 1913 г., З а р у д н ы й прочел в Ташкенте на заседании «Туркестанского отдела Русского географического общества» доклад «Кое-что о пустыне Кызыл-кум и ее фауне» (169) — вещь необычная, так как вообще Н. А. «терпеть не мог делать доклады» (В. А. З а р у д н а я, in litt.) и В. А. З а р у д н а я до этого случая припоминает только одно сообщение, сделанное Н. А. на съезде в Петербурге в 1901 г. после своего возвращения из Персии, причем сделал он его лишь под сильным давлением друзей.

Общегеографические данные об этой поездке вошли в статью «Поездка летом 1912 г. по восточному Кызыл-куму и заметка о разъезде, произведенном в нем в 1907 г.» (1915), орнитологические же материалы, вместе с таковыми 1907 г., послужили для сводки «Птицы пустыни Кызыл-кум» (1915)¹, в которой сообщаются данные о 230 формах и описываются гнезда и яйца целого ряда птиц, которые до сих пор были неизвестны.

Лето 1913 г. Николай Алексеевич с женой провел на родине у тетки Веры Андреевны. Наконец летом 1914 г. З а р у д н ы й совершил свою последнюю значительную поездку. На этот раз он избрал Аральское море, по которому плывал на парусном судне вместе с молодым орнитологом А. Е. К у д а ш е в ы м в течение июня и июля и подробно обследовал берега, острова и ряд озер его восточного побережья на протяжении от ст. Аральск до устьев Джана-дарьи. Поездка была совершена по поручению Русского географического общества и его

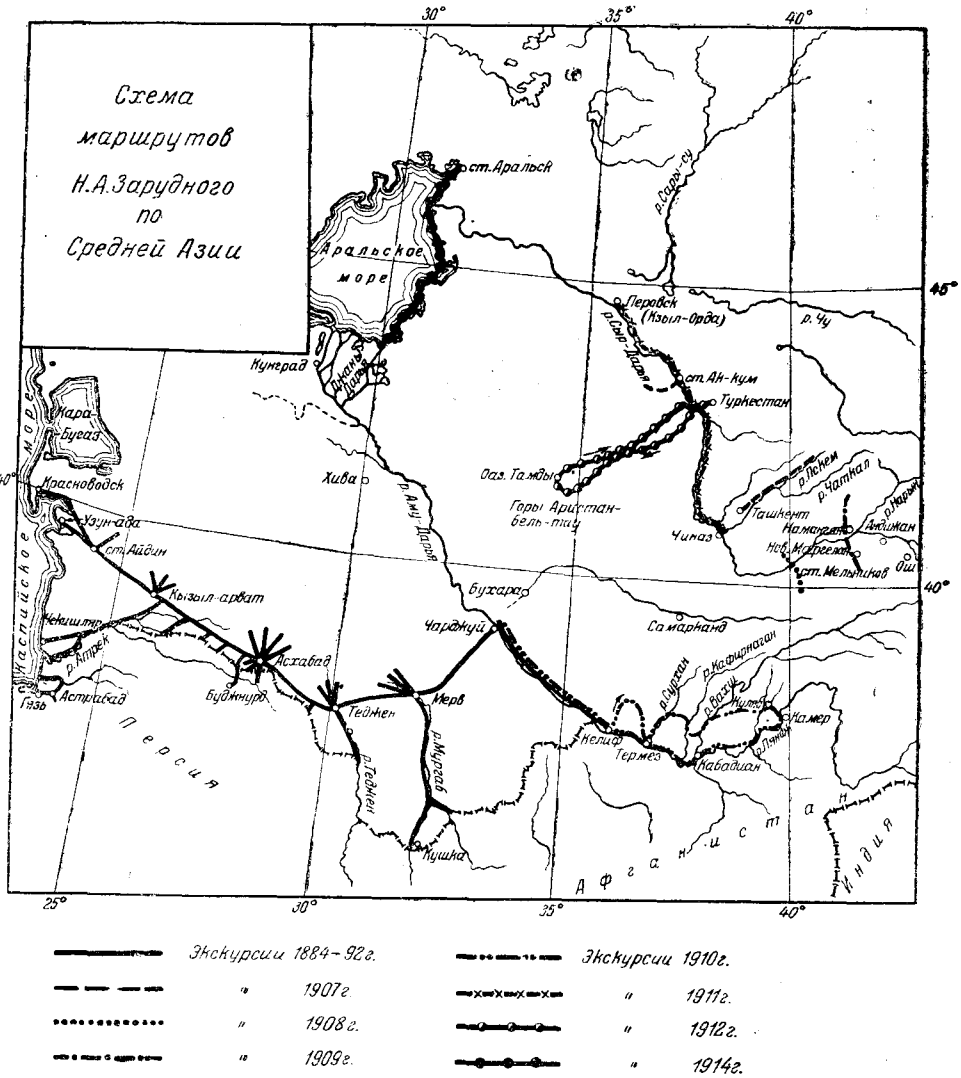
¹ Содержание этой книги было подробно изложено на немецком языке Grote „Aus der Ornithologischen Literatur Russlands, IV. Nikolai Sarudny über die Vögel der Wüste Kisyl-Kum“, Halle, 1922, pp. 57—72.

Тур
Сво
гла
те
езд
соб
цы
дан
сво

В
окре
набл
ским
с Па

Туркестанского отдела и ими же, главным образом, субсидировалась. Сборы, кроме птиц, пресмыкающихся и земноводных, поступили, главным образом, в Зоологический музей Академии наук. В результате этой поездки З а р у д н ы м были опубликованы три работы: «Поездка на Аральское море летом 1914 года» (1915), представляющая собою общегеографическое описание, «Гады Арала» (1915) и «Птицы Аральского моря» (1916), причем последняя работа, содержащая данные о 338 видах и подвидах птиц, представляет собою полную сводку.

В результате всех этих отдаленных поездок, а также экскурсий в окрестностях Ташкента, у З а р у д н о г о накопились обширнейшие наблюдения и огромный коллекционный материал по среднеазиатским птицам. Кроме того, он обработал богатые сборы М о л ч а н о в а с Памира, К о ч у б е я и Л а з д и н а из «Горной Бухары» и Памира,

Билькевича из Закаспия, в частности с гор Большие Балханы, и ряд мелких коллекций из различных мест (Средней Азии. Сказать, сколько экземпляров среднеазиатских птиц прошло через руки Зарудного, мы затрудняемся, но во всяком случае их число определяется не менее как в 10—12 тысяч. Этот материал дал ему возможность опубликовать целый ряд специальных, преимущественно систематического характера статей как в наших, так и в иностранных журналах. Некоторые из них написаны совместно с другими лицами — Бутурлиным, Лоудоном, Билькевичем, Кудашевым. С 1910 г., когда Г. И. Поляков стал издавать «Орнитологический Вестник», Зарудный начал сообщать в нем, под общим заглавием «Заметки по орнитологии Туркестана», разнообразные данные по географическому распространению, систематике и биологии. В общей сложности эти «Заметки» представляют работу почти в 150 страниц.

Из других больших работ этого периода следует назвать «К авифауне Памира» (1915, совместно с Молчановым), «Материалы к познанию орнитофауны Памира и Припамирья» (1926), «Список птиц Закаспийской области» (1918, совместно с Билькевичем). Последняя работа, хотя и носит конспективный характер, представляет исключительный интерес как сводка по птицам очень обширной области — от Припамирья до южнокаспийских провинций Ирана включительно («Закаспийский край» принимается в этой работе значительно шире, чем в книге 1896 г.), для которой приводится уже 646 видов и подвидов птиц, разбитых по 5 участкам и 12 более дробным территориальным подразделениям.

Продлав, таким образом, огромную предварительную работу, примерно в 1915, 1916 г., Зарудный приступил к составлению капитальной сводки «Орнитологическая фауна Туркестанского края». Насколько широко была задумана эта работа, видно хотя бы из того, что в составленном для нее списке литературы Зарудный перечислил 584 названия. Но судьба решила иначе: смерть помешала ему закончить свой многолетний труд, труд почти всей его жизни (напомним, что впервые Зарудный попал в Закаспий 24 лет), и он остался в виде громадной черновой рукописи¹.

* * *

До сих пор, в целях последовательности изложения, мы совсем не касались Зарудного как орнитолога-систематика. Между тем, он был прирожденным систематиком и достиг в этой области мировой известности как лучший знаток иранских и среднеазиатских птиц. В этом отношении он резко отличался от вообще столь близкого ему по духу Пэржевальского, который, как известно, терпеть не мог «мерить носы и хвосты». Уже одна из самых первых его работ «Что такое коршун голубоногий» (1881), выяснившая истинное положение этой птицы, работа чисто систематическая. В «Орнитологической фауне Оренбургского края» он затрагивает, так сказать, при случае, вопросы систематического характера и был еще дилетант в области систематики. В 1886 г., совместно с М. А. Мензбиром, он описывает свою первую новую форму — желтоклювого дятла (*Geocinus flavivirostris*), а в 1889 г. уже вполне самостоятельно выделяет кавказского

¹ Рукопись эта сперва хранилась в Туркестанском отделе Русского географического общества, а в настоящее время — в Орнитологическом отделе Зоологического института Академии наук.

шегла (*Carduelis elegans brevirostris*). С годами, по мере знакомства с литературой, с накоплением материала и опыта, он все более углубляется в систематику самых разнообразных групп птиц. Всего, иногда совместно с другими авторами, он описал, преимущественно из Средней Азии и Ирана, поистине колоссальное количество форм—около 250! Таким образом, он превзошел в этом отношении даже С. А. Бутурлина, вместе с которым Зарудный являлся, несомненно, самым крупным русским систематиком-орнитологом географического направления. «Только в эти дни лета 1906 г., работая вместе с Николаем Алексеевичем и внимательно изучая подлинные типы его описаний и оригиналы его работ, пишет Бутурлин, понял я вполне, каким удивительным «глазом», каким талантом к точному различению животных форм он обладал. Описание его новых форм могло казаться ясным или нет, с формальной необходимостью выделять номенклатурно очень слабо намеченную в природе форму можно было соглашаться или нет, но раз Николай Алексеевич говорил, что две формы различны,— для меня, после этой совместной с ним работы, уже не могло быть вопроса: я раз навсегда убедился, что его острый и опытный глаз не ошибался» (Турк. Охот. № 4—7, 1923, стр. 13).

Зарудный принимал и описывал «мелкие» виды. Современное направление зоологической систематики, как известно, понимает вид в широком смысле, доводя его границы до естественных пределов. Но упрекать Зарудного в том, что он был сыном своего времени и дробил виды—нелепо. Другой вопрос, существуют ли реально все те 250 форм, которые были им выделены. Несомненно, особенно в последний период своей жизни, он иногда увлекался описанием новых форм. Но и в этом особенно упрекать его трудно, так как даже такой крупнейший теоретик, как академик П. П. Сушкин, порой описывал едва намечающиеся формы. А Зарудный был систематик-практик.

Как известно, среди биологов других специальностей, существует некоторое предубеждение против систематиков, кропотливо описывающих слабо выраженные формы. Однако, следует всегда помнить, что только благодаря этой кропотливой работе под вид была подведена прочная географическая база, и создано современное строго научное понимание его как комплекса географических рас, что без этой кропотливой работы систематика не могла бы сделать те огромные успехи, которые достигнуты ею за последние десятилетия. Работа эта была необходима, а что иногда «перегибали палку» — и понятно и извинительно. Что всякого исследователя мы имеем право оценивать лишь учитывая время, когда он жил, — истина общепризнанная, однако истину эту часто забывают.

Но все же, конечно, основные заслуги Зарудного не в области систематики, не в кабинете, а в поле. Он и сам это хорошо знал и нередко называл себя «натуралистом».

* * *

О последних годах жизни Зарудного нам удалось собрать следующие сведения. В апреле 1918 г., когда, по инициативе Общества ревнителей высшего образования и при материальной поддержке Советского правительства, в Ташкенте открылся Туркестанский народный университет, Николай Алексеевич стал читать в нем курс зоологии, а так

же, кажется, и химии. На своих лекциях, посвященных географическому распространению животных Средней Азии, он сильно критиковал зоологические участки Туркестана, выдвигаемые проф. Мензбром, и предлагал свои, более узкие участки, совпадающие с ландшафтными особенностями страны (на какие именно участки Зарудный делил Среднюю Азию — мне выяснить, несмотря на все старания, не удалось). Далее, он состоял весьма активным членом правления, а позже — заместителем председателя Туркестанского Отдела Русского географического общества.

Но главная деятельность Зарудного была связана в то время с Туркестанским народным музеем, который был реорганизован им по поручению университета весной 1918 г. из прозябавшего до тех пор Областного музея. Он пожертвовал ему свою ценную коллекцию ковров, рога оленей, баранов и козлов, собранных в Средней Азии и Иране, и все свои богатые сборы птичьих гнезд с яйцами. Он самого себя отдал всецело Музею, директором которого Николай Алексеевич состоял с основания Музея и до своей смерти. Работа по организации музея была во всех отношениях очень трудная, но не прекращалась даже в январе 1919 г., когда белогвардейские пули летали по городу, и большинство других учреждений Ташкента не действовало. После «январских событий» Музей был переведен из тесного помещения, общего с Публичной библиотекой, в обширное здание, занимавшееся ранее генерал-губернатором и известное в городе под названием «белого дома». В большом зале его и смежной комнате Николай Алексеевич развернул свой зоологический отдел, весьма полно представив в нем, главным образом, в виде чучел и спиртовых препаратов, фауну Средней Азии. Для провинциального музея он был очень хорош, в большом порядке и во всем чувствовалось, что в устройство его была вложена большая любовь. К своей службе Зарудный относился, мы бы сказали, щепетильно-добросовестно, и ежедневно, при любой погоде, можно было видеть пожилого, но еще крепкого Николая Алексеевича, шагавшего через весь город (он жил тогда на окраине) в тяжелых охотничьих сапогах к «белому дому». По своему отделу Н. А. водил экскурсии только сам и водил их с увлечением. Чувствуя себя неловко на официальных научных собраниях и ненавидя выступать на них с докладами, здесь он, наоборот, был «в своей тарелке» — рассказывал с жаром, острил, приводил удачные сравнения между животными и людьми. Увлекаясь сам, он умел сосредоточить внимание своих разнообразных слушателей: только его голос нарушал напряженную тишину, сменявшуюся лишь топотом ног при переходе от одной витрины к другой, да взрывом смеха от удачной шутки рассказчика.

Занимаясь музеем, Зарудный в то же время мечтал еще раз съездить в отдаленное путешествие — им была подготовлена большая экспедиция в Афганистан от Музея, и обстоятельства складывались так, что осуществление ее становилось вполне реальным.

Таким образом, еще весной 1919 г. Зарудный был полон энергии и сил как физических, так и духовных, а 17 марта его уже не стало. Умер он внезапно, трагически: будучи в Музее, он случайно выпил отравленную жидкость; почувствовав себя плохо, поехал на извозчике домой и, прибыв туда, через три часа скончался. Так и осталась на его рабочем столе написанная свежими чернилами рукопись о

чекан
полн
По
лом
музе
след
кото
ли н
сказа
было
в Та
ный
круп
По
руко
геогр
чати,
два с
в до
ско
и пер
след
стана
выше
ми п
«Орн
«Зам
кром
черн
готов
опис
ния.
хран
но г
фий,
копи
деле
архи
замет
гичес
шест
нитс
кеста
Зар
насто
сидск
Гер
ского
Ост
колл
и ч
дению

чекане-плясуне, обрывающаяся фразой: «Приведу еще несколько дополнений».

Похороны Николая Алексеевича, устроенные Туркестанским отделом Русского географического общества и Туркестанским народным музеем, лишний раз доказали и то уважение, которым покойный исследователь пользовался в широких научных кругах, и ту любовь, которую он внушал всем, хоть сколько-нибудь знавшим его. Они были необыкновенно торжественны и многолюдны. Много речей было сказано на пути следования гроба к могиле, много цветов и венков было возложено на нее. Теперь над могилой, на русском кладбище в Ташкенте, стоит памятник из местного светлого камня, поставленный вдовой Николая Алексеевича, с простой надписью, выбитой крупными черными буквами.

После смерти Зарудного в его делах были найдены различные рукописи, поступившие на хранение в Туркестанский отдел Русского географического общества. Из них 14 статей, вполне готовые к печати, были опубликованы в 1923 г., список маршрутов — в 1929 г., а два списка — печатные работы Н. А. и описанные им формы птиц — в дополненном и исправленном виде опубликованы мной (Обринской), «Список печатных работ Николая Алексеевича Зарудного и перечень птиц, описанных им» (1923). Не изданными же остались следующие черновые материалы: «Литература к орнитофауне Туркестана», «Орнитологическая фауна Туркестанского края» (упомянутая выше), «Летние поездки 1907, 1908 и 1909 г.» (описание пути с особыми примечаниями о погоде и животных, кроме птиц), разрозненная «Орнитологическая хроника Оренбургского края с 1885 по 1891 г.», «Заметки о погоде» и разные другие с 1906 г. по 4—7/XII 1918 г., кроме того, совместная статья с Билькевичем о новой форме черного дятла с подписью красным карандашом «на смарку» и вполне готовая к печати монография сорокопутов Туркестана, содержащая описание 31 формы. Последняя работа заслуживает особого внимания. Далее, во Всесоюзном географическом обществе в Ленинграде хранятся различные материалы по персидским путешествиям Зарудного — записные и маршрутные книжки 1889—1900 г., 227 фотографий, заснятых в 1903—1904 гг., рукописный отчет о поездке 1898 г., копии с персидских карт, а также рукопись «Несколько замечаний о деятельности англичан в Восточной Персии» от 1915 г. Наконец, в архиве Академии наук (фонд акад. Мензбира) имеются статьи и заметки Зарудного по орнитологии (1884—1918 гг.) и орнитологический журнал, который он вел в свое последнее персидское путешествие, тогда как в Зоологическом институте Академии наук хранится, как уже указывалось, черновик «Орнитологической фауны Туркестана». Все эти материалы, кроме рукописей, оставшихся после Зарудного в Ташкенте, мне лично не знакомы. Где находятся в настоящее время карта, составленная Зарудным в его третье персидское путешествие, его сводка о персидских птицах, упоминаемая Гермсом и самим Зарудным, и описание последнего персидского путешествия — выяснить не удалось.

Остались после Зарудного и его огромные орнитологические коллекции¹, поступившие в Среднеазиатский университет. Как мне

¹ Часть их погибла в 1918 г., когда квартира Зарудного подверглась нападению воров.

любезно сообщил Р. Н. Мекленбургцев, в ведении которого находятся орнитологические коллекции Среднеазиатского университета, там хранится сейчас около 15 600 шкурок, собранных Зарудным. Кроме того, много птиц его сборов имеются в Зоологическом институте Академии наук и в музее Ротшильда в Тринге (Англия), куда были проданы в свое время Зарудным основные массы его персидских сборов. Наконец, небольшие сборы его хранятся в самых различных собраниях Европы, Америки и СССР, в частности в Московском зоологическом музее. Сколько всего за свою жизнь собрал Зарудный птиц, сказать трудно, но надо думать, что сборы его исчисляются несколькими десятками тысяч. Чтобы оценить эту колоссальную работу, достаточно сказать, что Н. А. Северцов, заслуживший себе славу и как исключительный сборщик, при помощи многочисленных препараторов (число их иногда доходило до 10), собрал около 12 000 шкурок птиц из Средней Азии, Зарудный же, в громадном большинстве случаев, коллектировал один. Если же учесть огромные сборы Зарудного по другим группам животных и более 5 000 печатных страниц, опубликованных им, то нельзя не согласиться с С. А. Бутурлиным, что «работоспособность Николая Алексеевича являлась чем-то чудесным» (Турк. Охот., № 4—7, 1923 г., стр. 13). Эти слова заслуживают особого внимания еще и потому, что сам Бутурлин обладал исключительной трудоспособностью.

«Надо самому поработать в научных экспедициях в дальних краях, пишет Бутурлин, чтобы вполне понять, как непонятно такое богатство сборов со сравнительно ничтожными средствами. При своей чрезвычайной скромности Н. А. прямо никогда не говорил, но по ходу его оживленных и задушевных рассказов видно было, что он попросту, и при том систематически не досыпал в своих экспедициях и работал, таким образом, за счет своего здоровья. Это одна из загадок. Другая же, очевидно, лежит в его необыкновенном природном даре наблюдателя и собирателя, даре изощренным и усиленным целую жизнью систематического и любовного труда в избранной области. Страстная любовь к природе и научному ее познанию при абсолютном бескорыстии, совершенном отсутствии эгоистических интересов, — стальная выносливость и деятельная энергия при прямо детской душевной чистоте, готовность всегда и всем помочь всякому, как вещь сама собою разумеющаяся, вот основные черты, которые резко бросались в глаза при личном сближении с этим благородным, столь выдающимся по уму и характеру, и столь скромным и простым в своем величии человеком. Не даром так любила Николая Алексеевича молодежь, его ученики по Оренбургской военной гимназии и по Псковскому кадетскому корпусу. Я не раз в разных концах России встречался с бывшими его учениками, и они всегда с глубокой любовью вспоминали о нем. Да и мудро было подойти к этому человеку и не полюбить его. И не одного из них заразил Н. А. своей любовью к природе и не одного навсегда приохотил к работе по ее изучению» (Турк. Охот., № 4—7, 1923 г., стр. 13).

Приведем только один случай, иллюстрирующий отношение Зарудного к животным. Однажды в закаспийских степях он нашел двух, ростом с воробья, птенцов авдотки, скрывававшихся в углублении почвы. «Только что подошел к ним, как оба они, неуклюжие, пучеглазые, вылезли из своих убежищ и заковыляли ко мне навстречу,

широко раскрывая свои слюнявые ротки; я дал им по несколько капель воды из бывшей со мной бутылки и они с жадностью напились, потом поймал несколько жуков и накормил их; они доверчиво сидели у меня на ладони и несколько не боялись; рассадив их по местам, я побрел дальше» (Мензбир, Птицы России, I, стр. 406).

Для характеристики Зарудного как человека добавим еще, что он был, по единогласному свидетельству всех знавших его, чрезвычайно добр и крайне гостеприимен. За обедом имел привычку пить водку и красное вино. Любил женское общество и с чисто украинским юмором рассказывал происшествия из личной жизни и анекдоты, которых знал множество. Любил винт и азартные игры, но, будучи постоянно занятым, играл в карты очень редко. Друзей у него было много. «Где бы мы с ним не жили, — пишет Вера Александровна (in litt.), — у нас были друзья — он умел привязывать к себе. Дружба, охота и душевная простота Николая Алексеевича притягивали к нам и у нас было весело». Добавим еще, что Николай Алексеевич был большой любитель и знаток персидских ковров и собрал хорошую коллекцию их, а также звериных шкур, в частности леопардовых, которые висели у него на стенах вместе с ружьями. О Зарудном как о стрелке сохранились прямо-таки баснословные рассказы.

* * *

Подведем итог. Три характерные черты гармонично сливались в Николае Алексеевиче Зарудном — страстная любовь к природе, наблюдательский талант и упорство, упорство как в поле, так и в кабинете. Благодаря этому жизнь его и была столь плодотворна.

Перечитывая его ранние оренбургские работы, в которых он порой горько сетует на свою тусклую судьбу, так и хочется раскрыть перед ним его будущее, так и хочется сказать, что ему предстоит во главе каравана не раз пересечь знойные пустыни Ирана, присоединить Закаспий к обследованным Северцовым областям Средней Азии, обогатить музеи ценнейшими коллекциями и оставить по себе память, побуждающую новых исследователей к новым подвигам в изучении природы.

**Важнейшие биографические даты жизни
Н. А. ЗАРУДНОГО**

1859, 13 сентября	Родился в поместье Грякóве Валковского у., Харьковской губ.
1879	Окончил учительскую семинарию военного ведомства.

1879—1892. Оренбург — Закаспий.

1879, 13 августа	Переехал в Оренбург в качестве учителя военной прогимназии.
1881, август	Первая печатная работа.
1884, лето	1-я поездка в Закаспий.
1885, лето	2-я поездка в Закаспий.
1885, 19 декабря	Избран в действительные члены Московского общества испытателей природы.
1886, лето	3-я поездка в Закаспий.
1888, конец зимы	Вышла «Орнитологическая фауна Оренбургского края».
1889, лето	4-я поездка в Закаспий.
1892, весна и лето	5-я поездка в Закаспий.

1892—1906. Псков — «Персия».

1892, август	Перевелся в Псков учителем кадетского корпуса.
1895, 13 декабря	Утвержден в звании корреспондента Зоологического музея Академии наук.
1896	Вышла «Орнитологическая фауна Закаспийского края».
1896, весна и лето	1-е путешествие в «Восточную Персию».
1898	Получил малую золотую медаль от Русского географического общества за исследование Персидских пустынь.
1898, с февраля по декабрь	2-е путешествие в «Восточную Персию».
1900	Вышла «Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны».
1900, с сентября по 1901, сентябрь	3-е путешествие в «Восточную Персию».

- 1901 Получил от Русского географического общества премию Пржевальского «за путешествие по Восточной Персии и труды по зоогеографии Персии».
- 1901 Вышла «Экскурсия по Восточной Персии».
- 1902, 2 сентября Женился на Вере Александровне Зариной.
- 1903 Вышла книга «Птицы Восточной Персии».
- 1903, с сентября по 1904 май } Путешествие в «Западную Персию».
- 1904 Вторично получил от Русского географического общества премию Пржевальского за «путешествие в Персию».

1906—1919. Ташкент — Средняя Азия.

- 1906, осень Перевелся в Ташкент учителем кадетского корпуса.
- 1907 Получил от Русского географического общества серебряную медаль им. Пржевальского за изучение природы России и сопредельных с нею частей Азии.
- 1907, лето Экскурсии по Пскему и Кызыл-куму.
- 1908, лето Экскурсии по южной Фергане.
- 1909, лето Экскурсии по северной Фергане.
- 1910 лето Поездка в Бухарское ханство.
- 1910 Вышли «Птицы Псковской губ.».
- 1911, лето Обследование среднего течения Сыр-дарьи.
- 1912, лето Поездка в центральные Кызыл-кумы.
- 1913 Вышла «Verzeichnis der Vögel Persiens».
- 1914, лето Плавание по Аральскому морю.
- 1915 Вышла книга «Птицы пустыни Кызыл-кум».
- 1916 Вышла «Третья экскурсия по Восточной Персии» и «Птицы Аральского моря».
- 1918 Вышел «Список птиц Закаспийской области и распределение их по зоологическим участкам этой страны».
- 1918 Организовал Зоологический отдел Туркестанского народного музея.
- 1919, 17 марта Скончался в Ташкенте.

Список животных, названных в честь Н. А. ЗАРУДНОГО¹

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

- hyaena vulgaris zarudnyi* Satunin, 1905
Vulpes (Megalotis) famelicus zarudnyi Birula, 1913
Crocidura zarudnyi Ognev, 1928
Meriones zarudnyi Heptner, 1937

¹ Настоящий список не претендует на исчерпывающую полноту.

ПТИЦЫ

- Gecinus zarudnoi* Menzbier, 1887
Passer simplex Zarudnyi Pleske, 1896
Ammomanes cinctura zarudnyi Hartert, 1902
Pisorhina scops zarudnyi Tschusi, 1903
Phasianus principalis zarudnyi Buturlin, 1904
Acrocephalus arundinaceus zarudnyi Hartert, 1907
Sitta zarudnyi Buturlin, 1907
Francolinus orientalis zarudnyi Buturlin, 1907
Lanius Zarudnyi Buturlin, 1908
Emberiza schoeniclus zarudnyi Härm s, 1909
Jynx torquilla sarudnyi Loudon, 1912
Turdus viscivorus sarudnyi Loudon, 1912
Turdus pilaris sarudnyi Loudon, 1912
Caprimulgus europaeus sarudnyi Hartert, 1912

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

- Teratoscincus* zarudnyi Nikolski, 1897
Eumeces zarudnyi Nik., 1900
Gymnodacylus zarudnyi Nik., 1900
Testudo zarudnyi Nik., 1900
Diplometopon zarudnyi Nik., 1907

РЫБЫ

- Aspiostoma* zarudnyi Nikolski, 1897.

НАСЕКОМЫЕ ¹

Жесткокрылые

- Zarudniola* Sem.² & Martynov (fam. Karumiidae)
Zarudnionimus Sem. & Bogatshev (fam. Tenebrionidae)
Abacetus zarudnyi Tshitsherin
Anisochroa zarudnyi Sem.
Anthaxia zarudniana Richter
Blaps zarudnyi Sem. & Bogatshev
Calosoma (*Callisthenes*) *reicheri* zarudnianum Sem. & Redikorzev
Carabus (*Cyclocarabus*) zarudnyi Sem. & Znojko
Carterus zarudnianus Sem. & Znojko
Cicindela zarudniana Tshitsherin
Chrysobothris zarudniana Sem. & Richter
Cyphonoxia zarudnyi Sem. & Medvedev
Eoglaresis zarudniana Sem. & Medvedev
Eubolbites zarudnyi Sem. & Medvedev
Julodella zarudniana Sem.
Leistus zarudnyi Sem. & Znojko
Lethrus (*Autolethrus*) zarudnyi Sem. & Medvedev
Lethrus (*Microlethrus*) zarudnianus Sem. & Medvedev
Lythophilus zarudnyi Barovskij
Meganoxia zarudniana Sem. & Medvedev
Ochodaeus zarudnyi Sem. & Medvedev
Oryctes zarudnyi Sem. & Medvedev
Prionus (*Mesoprionus*) zarudnyi Sem.
Purpuricenus zarudnianus Sem.
Sphenoptera zarudnyi B. Jakovlev
Thelyterotarsus zarudnyi G. Jacobson.

¹ Настоящий список насекомых доставлен А. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

² Sem. = A. Семенов-Тянь-Шанский

Перепончатокрылые

Zarudnidium Sem. (fam. Chrysididae)
Zarudnium Sem. (fam. Chrysididae)
Arge zarudnyi Gussakovskij
Baryproctus zarudnianus Telenga
Bembex zarudnyi Gussakovskij
Chrysis (Tetrachrysis) zarudniella Sem.
Ellampus zarudniellus Sem.
Ellampus zarudnyi Sem.
Eumenes zarudnyi Kostylev
Gasteryption zarudnyi Sem. & Kostylev
Hedychrum zarudnyi Sem.
Heliobracon zarudnyi Telenga
Holopiga zarudniana Sem.
Isadelphia zarudnyi Sem.
Iugurthia zarudnyi Kostylev
Labus zarudnyi Kostylev
Larra zarudniana Gussakovskij
Psammochares (Rhidestus) zarudnyi Gussakovskij
Spinolia (Euchroeus) zarudniana Sem.
Spheg (Harpactopus) zarudnyi Gussakovskij
Tachyspheg zarudnyi Gussakovskij

Полужесткокрылые

Zarudnya Melichar
Aphanus zarudnyi B. Jakovlev
Deraeocoris zarudnyi Kiritshenko
Ischnopeza zarudniana Reuter
Laemocoris zarudnyi Reuter
Phytocoris zarudnyi Reuter
Solenocoris zarudnyi Oshanin
Tigrahauda zarudnyi Oshanin

Двукрылые

Adoxomyia zarudnyi Pleske
Clitellatia zarudnyi Pleske
Exoprosopsa zarudnyi Paramonov
Mariobezzia zarudnyi Becker
Physocephala zarudnyi Becker
Stackelbergeola zarudnyi Rohdendorf
Stratiomyia zarudnyi Pleske

Прямокрылые

Charora zarudnyi Uvarov
Iranella zarudnyi Uvarov
Kurdia zarudnyi Uvarov
Magrettia zarudnyi Adelung
Xenochelba zarudnyi Uvarov

Таракановые

Symploce zarudniana Bey-Bienko

Чешуекрылые

Holcocerus zarudnyi Grunin-Grzhimailo

Волосистокрылые

Triacnodes zarudnyi Martynov

Сетчатокрылые

Bubopsis zarudnyi Alexandrova-Martynova
Croce zarudnyi Alexandrova-Martynova

МНОГОНОЖКИ

Amblyulius zarudnyi Lohmander 1932

ПАУКООБРАЗНЫЕ

Сольпуги

Daesia zarudnyi Birula 1904
Karschia zarudnyi Birula 1917
Galeodes zarudnyi Birula 1927

Скорпионы

Buthus zarudnyi Birula 1900
Nemibuthus zarudnyi Birula 1903
Buthus zarudnianus Birula 1905 (nov. nom. pro Buthus zarudnyi Bir.)

МОЛЛЮСКИ

Buliminus (Buliminus s. str.) zarudnyi Lindholm 1916

ЛИТЕРАТУРА О Н. А. ЗАРУДНОМ

Семенов-Тянь-Шанский А. П., Отзыв о трудах Н. А. Зарудного. Отчет Русск. географ. о-ва за 1907 г., стр. (32—33), СПб, 1908.

Вансовский В. С., К 35-летию ученой деятельности Н. А. Зарудного, Изв. Турк. Отд. Русск. геогр. о-ва, т. XII, вып. I, 1916, стр. 1—XV.

Попов А., Н. А. Зарудный (некролог), Наша Газета, 1919, № 57, от 20 марта, стр. 2—3, Ташкент.

Бобринской Н. А., Николай Алексеевич Зарудный, как зоолог, Изв. Турк. отд. Русск. геогр. о-ва, т. XV, 1923, стр. 17—20, приводится список рукописей Н. А., хранящихся в ТОРГО.

Бобринской Н. А., Список печатных работ Николая Алексеевича Зарудного и перечень птиц, описанных им., *ibid*, т. XVI, 1923, стр. 1—35.

Бутурлин С. А., Памяти Н. А. Зарудного, Турк. Охот., № 4—7, 1923, стр. 13—14.

Steinbacher F., N. A. Zarudny und seine letzten Arbeiten, Jour. für Ornith., LXXIV, p. 490—496, 1926.

Бобринской Н. А., Обзор и очередные задачи исследования фауны позвоночных Туркестана, Труд. Науч. иссл. инст. зоол., т. III, вып. I, Москва, 1929, стр. 12—13 и другие.

Фотографии: 1 портрет Н. А., Изв. Турк. Отд. Русск. геогр. о-ва, т. XII, вып. I, 1916; 2 фотографии Н. А. на охоте, Турк. сел. хоз., № 7, 1915.

При
Bull
Еж.
гербу
Jour
Зап.
Зап.
С.-Пет
Изв.
Изв.
Ташке
Мат.
ской и
роды.
Н. О
Ор. I
Орп. I
Орп. I
Отч.
Пр. С
С. Ох
Тр. С
тически

1. На
Резу
1880 г.
вообще
относит
заметок
Всего с
2. Чт
156—158
25 сен
неволе.
голубон
нение ч
3. По
Ряд п

4. Ко
5. За
Набл

4 Н. А. Е

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. А. ЗАРУДНОГО.

Принятые сокращения периодических изданий.

Bull. Soc. Nat. Mosc.—Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou. Москва.

Еж. Зоол. муз. А. Н.—Ежегодник Зоологического музея Академии наук. С.-Петербург,

Jour. Or.—Journal für Ornithologie. Reichenow, Leipzig.

Зап. АН.—Записки Академии наук. С.-Петербург.

Зап. РГО—Записки Русского географического общества по общей географии, С.-Петербург.

Изв. РГО—Известия Русского географического общества. С.-Петербург.

Изв. ТРГО.—Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Ташкент.

Мат. позн. фауны и флоры Росс.—Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел зоологический. Изд. Московского общества испытателей природы.

Н. Ох.—Наша Охота. С.-Петербург.

Ор. В.—Орнитологический Вестник. Тула, Москва.

Orn. Jar.—Ornithologisches Jahrbuch. Tschusi, Hallein.

Orn. Mon.—Ornithologische Monatsberichte. Reichenow, Berlin.

Отч. РГО—Отчет Русского Географического Общества. С.-Петербург.

Пр. Ох.—Природа и Охота. Москва.

С. Ох.—Семья Охотников. Москва.

Тр. С.-Пб.—Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Отдел зоологический. С.-Петербург.

1881

1. Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга, Пр. Ох., август, 81—126.
„Результат орнитологических экскурсий . . . с 10 августа 1879 г. по 10 ноября 1880 г. Здесь, по возможности, точно определено время прилета, пролета, отлета и вообще появления различных птиц, а вместе с тем сделаны некоторые заметки относительно образа жизни . . . Не имея претензий на полноту и законченность заметок, я не делал выводов и лишь только изредка обобщал собранные факты“. Всего описано 151 вид.

2. Что такое коршун голубоногий (*Milvus glaucopus* Ev m.)?, Пр. Ох., сентябрь, 156—158. Подписано „N“.

25 сентября 1880 г. около Оренбурга добыт коршун голубоногий и содержался в неволе. Через несколько дней восковица пожелтела. „Видовая самостоятельность голубоногого коршуна более чем сомнительна, и он есть действительно . . . видоизменение черного, обыкновенного коршуна“.

3. Поправка, Пр. Ох., сентябрь, 160—161.

Ряд поправок к статье „Наблюдения над птицами в окрестностях Оренб.“ (см. 1)

1882.

4. Корсак в неволе, Пр. Ох., август, 71—76.

5. Заметки о содержании некоторых птиц в неволе, Пр. Ох., август, 80—86.

Наблюдения над *Crex pratensis*, *Ortygometra parzana* и *Glareola melanoptera*.

1883.

6. Экскурсия на озеро Сулюк-куль, Пр. Ох., май, 1—16.

Описание охотничье-зоологической экскурсии на озеро Сулюк-куль, в 50 верстах южнее ст. Буранной (к югу от Оренбурга). Имеется список найденных птиц (всего 95 вид.), разбитых на рубрики: 1) гнездящиеся более или менее постоянно, 2) гнездящиеся непостоянно, 3) залетающие летом постоянно и 4) залетающие летом непостоянно.

1884.

7. Волчек (*Ardeola minuta*) в Оренбургской губернии, Пр. Ох., июнь, 1—16. Помечено Оренбург, 14/VI 1882. Подробные биологические наблюдения.

1885.

8. По поводу „неведомых“ зверей в Оренбургской губернии, Газ. Оренбургский листок, № 36, от 1 сентября, 4 столбца.

„Резюмирую все мною сказанное: 1) „Неведомые“ звери, наделавшие столько шума, никаким образом не могут быть шакалами. 2) Нахождение шакала в пределах Оренбургской губ. и прилежащих местностей не доказано. 3) Нападение на людей было произведено помесью одичалой суки с волчьим кобелем. 4) Этот-то случай, вероятно, и дал повод к рассказам о „неведомых зверях“.

1886.

9. Oiseaux de la contrée Trans-Caspienne, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1885, 262—332.

Помечено XII 1884. Предисловие Мензбира. 1-я часть (264—282): общий очерк страны; окраины пустыни Кызыл-кума; Ахалтекинский оазис; беглый взгляд на фауну пустыни, оазиса и гор; картины природы. Здесь, кроме птиц, попутно упоминаются и кое-какие другие позвоночные. 2-я часть систематическая (282—332) содержит биологические и зоогеографические наблюдения со многими систематическими примечаниями проф. Мензбира. Всего приведено под №№ 184 формы.

10. и Мензбир, описание *Gecinus flavirostris* в статье Dr. Menzbier's Notiz über einen neuen Grünspecht, *Gecinus flavirostris* n. sp., Bull. Soc. Nat. Mosc., 1886, 439—440.

1888.

11. Орнитологическая фауна Оренбургского края, Зап. АН., LVII, прилож. № 1, 1—333.

Написана в 1884 г. 1) Введение. 2) Маршруты экскурсий и поездок. 3) Заметки о характере местности, лежащей к югу от среднего течения Урала. 4) О распределении речных бассейнов. 5) Заметка о влиянии бывшего моря на контингент современной орнитологической фауны. 6) Несколько слов о причинах явления залета птиц. 7) Заметка относительно случайно гнездящихся птиц. 8) Перечень птиц Оренбургского края с отметками пролетн., летующие и пр., всего 342 вида. 9) Систематическая часть, обнимающая 343 вида, с перечислением экзempl. колл. и примечаниями Плеске.

1889.

12. Дополнительные заметки к познанию орнитологической фауны Оренбургского края, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1888, 658—681.

„Одни из этих данных (т. е. опубликованных здесь) совершенно новы, другие не нашли себе места в „Орнитол. фауне Оренбург. края“ (см. 11), третьи, наконец, дополняют и исправляют те, которые в ней приведены“. Всего говорится о 64 формах.

13. Recherches zoologiques dans la contrée Trans-Caspienne, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1889, 128—160.

Описание III-го путешествия в Закаспийскую область в 1886 г. Маршрут—Оренбург, Самара, Астрахань, Петровск, Баку (наблюдение пролета—63 вида), Красноводск. Бассейн Мургаба. Оазис Мерв, Пендинский оазис. Р. Кушка. Долина Мургаба, Теджен-дарья и Герри-Руд. Бассейн Атрека. Равнины. Горы. Заметка о климате. (Продолж. см. 15 и 17).

14. Ueber die Nestverhältnisse des Saxaulhähers (*Podoces Panderi*). Mit 1 Taf., Bull. Soc. Nat. Mosc., 1889, 455—465.

Таблица с фотографиями двух гнезд.

15. Recherches zoologiques dans la contrée Trans-Caspienne, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1889, 740—842.

Продолжение 13. Часть систематическая: 1) Млекопитающие (740—748); говорится о 42 видах. 2) Птицы (748—842); содержит 309 видов (Продолжение см. 17).

16. Орнитологическая фауна области Аму-дарьи между городами Чарджуем и Келлифом, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1890, 1—41.

Совместная поездка с А. Л. Яценко. Описание местности. Список найденных птиц (всего 159 видов), разбитых на рубрики по станциям: 1) культурная полоса, 2) пустыни, 3) горы с отметками гнезд., зим., ред. и пр. Заметки о распространении биологии, оологии и систематике 68 форм.

17. Recherches zoologiques dans la contrée Trans-Caspienne, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1890, 288—315.

Продолжение 15. 3) Рептилии (288—297), всего 36 видов. 4) Амфибии (297—298) всего 3 вида. Добавления к систематической части (298—315) наблюдений, произведенных в 1889 г.

1891.

18. Заметка о новой разновидности фазана (*Phasianus principalis* Sclat. var. *Klassowskii* Zar.), Зап. АН., LXVII, 1, 10—15.

19. О гибридах между *Budytes flava* и *B. campestris*, Тр. С.-Пб., XXII, I, прил. 27—28.

По материалу из Оренбургской губ. А. Гибриды между *B. flava* и *B. campestris* первого поколения: 1) *B. flava* × *B. campestris* rayi. 2) *B. flava*, var. *boema* × *B. c. flavifrons*. 3) *B. flava* × *B. c. flavifrons*. В. Гибриды между *B. flava* и *B. campestris* при повторных скрещиваниях: 1) *B. flava* × *B. c. rayi* × *B. flava*. 2) *B. flava* × *B. c. rayi* × *B. flava* × *B. flava*.

20. К источникам речки Бами. (Из летних странствований орнитолога), Приволжский вестник охоты, № 38, 1890—1891, стр. 495—497.

Описание экскурсии, произведенной в последних числах июня 1884 г. к истокам р. Бами (зап. Колет.-даг). Подписано „Н. З.“ (Эта статья указывается в Орнитологической фауне Закаспийского края, 1896, стр. 5, под неверным названием „Из записной книжки натуралиста. N.“).

1892

21. Материалы для орнитологической фауны северной Персии, Мат. позн. фауны и флоры Росс., I, 106—137.

1) Общее описание поездки 1885 г. совместно с Никольским (106—117). Здесь, между прочим, упоминаются и другие позвоночные, кроме птиц. 2) Часть систематическая (117—137) трактует о 129 видах птиц.

22. Птицы долины р. Орчика и около лежащей степи, Мат. позн. фауны и флоры Росс., I, 138—155.

Наблюдения производились летом 1890 г. в небольшом районе, лежащем на границе Волковского уезда Харьковской губ. и Константиноградского уезда Полтавской губ. Характеристика местности (138—140). Список 141 вида найденных птиц, разбитых по рубрикам на три станции с обознач.: залет, гнезд. и пр. (141—145). Биологические и систематические замечания к 22 видам (145—155).

23. и Бихнер, О нахождении *Mellivora indica* в Закаспийской области, Зап. АН., LXIX, 73—77.

1893

24. Note sur une nouvelle espèce de mésange (*Parus transcaspicus* spec. n.), Bull., Soc. Nat. Mosc. 1893, 364—368.

Подробное описание молодых самцов и самок.

1894

25. Заметка о малоизвестном виде щегла (*Carduelis minor*, Zarudnoi), Bull. Soc. Nat. Mosc., 1893, 505—507.

26. Описание гнезд *Vespra orientalis* Fabr. в работе Насонова „Список и описание коллекции по биологии насекомых“, ст. 57—58, Коллекции Зоологического кабинета Варшавского университета, II, Варшава.

Материалом послужили наблюдения над осами в Персии, Бухаре и Закаспийской области.

27. Описание гнезд *Osmia jucunda* Smith в работе Насонова „Список и описание коллекции по биологии насекомых“, ст. 61—62, Коллекции Зоологического кабинета Варшавского университета, II, Варшава.

Наблюдения производились в Бухарском ханстве, Персии и Закаспийской обл.

1896

28. Отчет об орнитологических исследованиях, произведенных в Псковской губ. летом 1895 г., Bull. Soc. Nat. Mosc., 1895, в „Годичный отчет МОИП за 1894—1895 гг.“ 38—39.

Краткий отчет с указанием 18 наиболее интересных находок.

29. Орнитологическая фауна Закаспийского края (Северной Персии, Закаспийской области, Хивинского ханства и равнинной Бухары), Мат. позн. фауны и флоры Росс., II, 1—555.

Помечена 1 декабря 1893 г. Капитальная сводка. 1) Предисловие. 2) Список литературы (38 названий). 3) Зоологические участки Закаспийского края (I. Южно-Каспийский, II. Хоросанский, III. Парапамизский, IV. Аму-дарьинский, V. Южно-Туранский). 4) Таблица распределения закаспийских птиц по зоологическим участкам с отметками: очень ред., оседл., гнезд. и пр. (12—38), всего 445 видов. 5) Заметки о пролетных путях. 6) Часть систематическая (45—546). 7) Алфавитный указатель.

30. Материалы для фауны амфибий и рептилий Оренбургского края, Bull. Soc. Nat. Mosc., 1895, 361—370.

Помечена 1/XII 1894. Географическое распространение и биология 11 видов амфибий и 15 видов рептилий.

31. Заметка о новом виде *Podoces* (*Podoces pleskei* sp. n.), Еж. АН., I, XII—XIII.

32. Маршрут Н. А. Зарудного по Восточной Персии в 1896 г., Еж. АН., I, XVIII—XXI.

1897

33. Дополнения к „Орнитологической фауне Оренбургского края“, Мат. позн. фауны и флоры Росс., III, 171—312.

Помечена 24/XI 1894. „Здесь я привожу полный список всех найденных мною в Оренбургском крае видов птиц, останавливаясь подробнее на тех из них, которые в предшествовавших работах моих были описаны недостаточно точно или отчасти неверно, исправляю ошибки, делаю самые необходимые дополнения и привожу лишь голое название вида для тех птиц, относительно которых ничего не могу сказать нового; вместе с тем я считаю не лишним упомянуть при случае о распространении некоторых птиц в странах, не входящих в состав Оренбургского края, но с ним сопредельных“. Всего приводится под №№ 385 форм.

34. Заметки по фауне млекопитающих Оренбургского края, Мат. позн. фауны и флоры Росс., II, 329—372.

Помеч. 23/XII 1894. „Предлагаемые заметки составляют выборку из дневника, который я вел в Оренбур. кр. с 1879 и по 1892 г. и в который... заносил все заслуживающее внимания, что мне удавалось подметить об образе жизни и распространении позвоночных...“. Всего описывается 67 видов.

35. Заметка о чешуйчатых и голых гадах из северо-восточной Персии. Еж. АН., II, 349—361.

„Настоящая заметка заключает в себе данные о распространении и местонахождениях чешуйч. и гол. гадов, наблюдавшихся мною в северо-восточной Персии во время экскурсии в этой стране летом 1896 г.“. Всего описано 34 вида рептилий и 4 вида амфибий.

1898

36. Несколько слов о поездке в Персию в 1896 г., Изв. РГО, XXXIV, II, 209—216
Краткий отчет с подробным маршрутом.

37. Маршрут Н. А. Зарудного по Восточной Персии в 1898 г., Еж. АН., III, V—XII.

Поездка была совершена по поручению Русского географического общества. Особенное внимание было обращено на Сеистан и Персид. Белуджистан. Подробный маршрут по дням.

38. and Bianchi, On a new species of Stone-Chat (*Saxicola semenowi*) from Eastern Persia, *Еж. АН.*, V, 187—189.

39. Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны, *Зап. Ак.* VIII, X, № 1, 1—262.

Описание поездки, совершенной в 1896 г. по поручению Зоологического музея Академии наук в Сеистан. I. Маршрутное описание местности (8—54). II. Часть систематическая (55—243). Всего описано 285 форм. III. О зоологических участках северо-восточной Персии (I Хорасанский, II Бирджанский, III Сеистанский). Список птиц по участкам с отметками: осед., гнезд. и пр. IV. Алфавитный указатель латинских названий.

40. u. Härm s., Ueber eine neue Form der Sumpfmöuse: *Poecile salicaria neglecta* nov. subspec., *Orn. Mon.* VIII, № 2, 19—20.

41. u. Härm s., Bemerkung zu *Poecile salicaria neglecta* Zarudny et Härm s., *Orn. Mon.* VIII, № 5, 67.

Переименование по номенклатурным соображениям *P. s. neglecta* в *P. s. bianchi* nom. emend.

42. Заметка о *Poecile salicaria neglecta* Zar. et Härm s., *Еж. АН.*, VI, XX.

То же, что в 41.

43. Экскурсия по восточной Персии, *Зап. РГО*, XXXVI, № 1, 1—362. С картой.

Работа общегеографического характера. Материалом послужила поездка 1898 г. Предисловие. Маршрут. Маршрутное описание местности. Алфавитный указатель географических названий. Алфав. указ. латинских зоологических назв. Карта маршрутно-глазомерной съемки.

44. Маршрут экспедиции Русского географического общества под начальством Н. Зарудного по восточной Персии в 1900—1901 гг., *Еж. АН.*, VII, 1—IX.

Голый маршрут по дням.

45. Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1900—1901 годах, *Изв. РГО*, XXXVIII, II, 127—170.

Описание местности. Зоологических данных очень мало.

46. u. Härm s., Neue Vogelarten, *Orn. Mon.*, X, № 4, 49—54.

47. *Lullula arborea pallida* sp. nov., *Orn. Mon.*, X, № 4, 54.

48. u. Loudon, Zwei neue Vogelarten, *Orn. Mon.* X, № 10, 145.

49. u. Loudon, Über Einteilung des Genus *Podoces* in Subgenera. *Orn. Mon.*, X, № 10, 185.

Небольшая заметка (0,5 стр.) в виде синоптической таблички с описанием двух новых подродов: 1) *Podoces* (*P. panderi*, *P. pleskei*). 2) *Eopodoces* subgen. nov. (*E. bidulphi*, *E. hendersoni*), 3) *Pseudopodoces* subgen. nov. (*P. humilis*).

50. u. Loudon, Beschreibung einer neuen *Podiceps*-Subspecies, *Orn. Mon.*, X, № 11, 186.

51. Über einen neuen Wasserschwätzer, *Orn. Jar.*, XIII, 1—2, 57—58.

52. Über eine wenig bekannte Form von *Emberiza citrinella* L. (*Emberiza citrinella mollesoni* Zar.), *Orn. Jar.*, XIII, 1—2, 58.

53. Птицы восточной Персии. Орнитологические результаты экскурсии по восточной Персии в 1898 г., с 8 табл., *Зап. РГО*, XXXVI, № 2, 1—467.

Капитальная сводка. „Предлагаемая работа есть результат обработки орнитологической части зоологических коллекций, собранных мною в 1898 г. во время путешествия по восточной Персии, и составляя сводку почти всех наблюдений, сделанных за этот период над птицами названной страны, является продолжением моих орнитологических изысканий в Закаспийском крае и восточной Персии вообще“. 1) Предисловие. 2) Маршрут. 3) О зоологических участках вост. Персии (I. Хорасанский, II. Парапамизский, III. Бирджанский, IV. Сеистанский, V. Северно-Белуджистанский и VI. Южно-Белуджистанский). 4) Список птиц восточной Персии по участкам с отметк, осед., ред. и пр.: всего 421 форма. 5) Часть систематическая (33—458). 6) Поправки. 7) Алфавитный указатель. Фотографии гнезд: *Aegithalus masco-*

пух (I—VI таб.), *Cinnyris brevirostris* (VII-ая табл.) и *Burnesia (Prinia) lepida* (VIII-ая табл.).

54. Einige neue Spezies und Subspezies paläarktischer Vogelarten, Orn. Mon., XI, № 9, 129—131.

Описание 5-ти форм.

55. u. Loudon, описание как новых *Galerida cristata iwanowi* и *G. s. magdae* в Loudon „Zur Kenntnis der west-turkestanischen Repräsentanten der Gattung *Galerida*“ Orn. Jar., XIV, № 5—6, 171—174.

56. u. Loudon, *Cettia cetti semenovi* Sarudny u. Loudon subsp. nov., Orn. Jar. XIV, № 5—6, 175.

1904

57. О гадах и рыбах восточной Персии. Герпетологические и ихтиологические результаты экскурсии по восточной Персии в 1898 г., Зап. Геол. об., XXXVI, № 3, 1—42.

В двух частях: 1. О чешуйчатых и голых гадах восточной Персии (1—38). Эта статья служит дополнением к работе Никольского „Пресмык., амфибии и рыбы второго путешествия Зарудного в Персию в 1898 г.“ (Еж. Ан., 1899) и заключает данные о распространении и местонахождениях гадов, наблюдав. в 1898 г. „Вместе с тем в ней приводятся кое-какие черты из образа жизни некоторых видов и, для лучшей обрисовки фаунистического облика страны, упоминается о тех видах, которые наблюдались здесь другими путешественниками, но не были добыты мною“. Всего 72 формы рептилий + 1 (дополнен.) и 6 форм амфибий. II. Перечень видов рыб, собранных в восточной Персии в 1896 и 1898 гг. (39—40). Голый список 17-ти видов с исправлениями местонахождений в статьях Никольского „Пресмыкающиеся, амфибии и рыбы, собранные Зарудным в Восточной Персии“. (Еж. Ан., 1887) и „Пресмыкающиеся, амфибии и рыбы второго путешествия Зарудного в Персию“ (ibid., 1899).

58. Маршрут путешествия по западной Персии в 1903—1904 гг., Еж. Ан., IX, XLV—LI.

Голый маршрут по дням.

59. Beschreibung zweier neuer Formen aus Süd-West Persien, Orn. Mon., XII, № 10 164—165.

Acredula tephronota passekii subsp. n. et *Accentor modularis blanfordi* subsp. n.

60. u. Loudon, Описание *Carine noctua caucasica* subsp. nov. в Loudon „Über zwei neue palaearktischen Formen“, Orn. Jar., XV, № 1—2, 56.

61. *Passer mesopotamicus* spec. nov., Orn. Jar., XV, № 3, 108.

62. Über neue Arten und Formen, Orn. Jar., XV, № 5—6, 213—219.

Описание 5-ти новых форм.

63. u. Loudon, Über eine neue *Saxicola* aus Persien: *Saxicola gaddi* spec. nov. Orn. Jar., XV, № 5—6, 219—220.

64. Eine neue Grasmücke aus Persien, Orn. Jar., XV, № 5—6, 220—221.

Sylvia semenowi sp. n.

65. u. Loudon, Einige neue Subspecies aus Persien und dem Transcaspischen Gebiet Orn. Jar., XV, № 5—6, 221—227.

Описание 8 новых подвидов.

1905.

66. u. Loudon, *Gecinus viridis innominatus* subsp. nov., Orn. Mon., XIII, № 3, 49.

67. *Syrnium santi-nicolai* sp. nov. aus West-Persien, Orn. Mon., XIII, № 3, 49—50.

68. u. Loudon, Vorläufige Beschreibung zweier ornithologischen Neuheiten aus West-Persien., Orn. Mon., XIII, № 5, 76.

69. u. Loudon, Eine neue Form der Blaumaise. *Cyanistes coeruleus orientalis* subsp. nov. Orn. Mon., XIII, № 6—7, 105—106.

70. u. Loudon, Vorläufige Bemerkungen über drei ornithologische Neuheiten aus Persien, Orn. Mon., XIII, № 6—7, 106—108.

71. u. Loudon, Beschreibung drei neuen paläarktischen Melsen, Orn. Mon., XIII, № 6—7, 108—110.

72. Eine neue Form der Grosstrappe aus Turkestan. *Otis tarda korejewi* subsp. nov., Orn. Mon., XIII, № 10, 163—164.

73. *Rallus aquaticus korejewi* subsp. nov., Orn. Mon., XIII, № 12, 209—210.

74. u. Tschusi, Описание *Sitta europaea rubiginosa* subsp. n. в Tschusi „Über palaearktische Formen“, Orn. Jar., XVI, 140.

75. Zwei ornithologische Neuheiten aus West-Persien, Orn. Jar., XVI, 141—142.

Ketupa semenowi sp. n. et *Bubo bubo nikolskii* subsp. n.

1906.

76. и Кореев, Орнитологическая фауна Семиреченского края, Мат. позн. фауны и флоры Росс., VII, 146—247.

Помечена 15 мая 1903 г. „Б. П. Кореев передал в мое распоряжение большую коллекцию птиц, собранных им в 1899 и 1900 г. в Семиречье“ (и Кульджинском крае) „вместе с орнитологическим дневником...“ „При перечислении данных об отдельных видах мы принимаем во внимание осмотренные Кореевым коллекции из Семиречья, хранящиеся в Томском университете и в Семиреченском областном статистическом комитете, а также входящий в состав коллекции Кореева довольно обильный сбор Милованова. Принимаем во внимание так же как личные наблюдения последнего, так и осмотренную Кореевым небольшую коллекцию, собранную Козловым в окрестностях Пржевальска“. Работа эта есть собственно дневник Кореева, где определение видов проверено Зарудным, с немногочисленными систематическими замечаниями последнего. Перечислены экземпляры коллекций, даны местные названия. Всего под №№ 305 форм.

77. Über zwei neue Arten des Stieglitzes (Carduelis) aus Persien, Orn. Mon., XIV, № 3, 47—48.

78. u. Buturlin, Sitta dresseri spec. nov., Orn. Mon., XIV, № 7—8, 132.

79. u. Loudon, Zum Material über die Asiatischen Ptarmice und Columba. Orn. Mon., XIV, № 7—8, 132—134.

80. u. Loudon, Asio accipitrinus pallidus subsp. nov., Orn. Mon., XIV, № 9, 151.

81. Francolinus orientalis bogdanovi subsp. nov., Orn. Mon., XIV, № 9, 151—152.

1907.

82. u. Loudon, Surnia ulula korejewi subsp. nov., Orn. Mon., XV, № 1, 2—3.

83. u. Loudon, Perdix perdix buturlini subsp. nov., Orn. Mon., XV, № 3, 47—49.

84. Über eine neue Grünfinken-Form (Chloris shloris turkestanicus subsp. nov.), Orn. Mon., XV, № 4, 61—63.

85. Eine Bemerkung über 2 Formen aus dem paläarktischen Gebiet, Orn. Mon., XV, № 5, 83—84.

1) Surnia ulula korejewi Sar. et Loud. есть синоним S. ul. tianschanica Smalbones.

2) Synchronium pyrhuroides korejewi subsp. nov.

86. Beitrag zur Kenntnis der Turkestanischen Caprimulgus Arten, Orn. Mon., XV, № 10, 165—166.

Caprim. europaeus angeri et C. eur. severzowi subsp. n.

1908.

87. Маршрут поездки, совершенной летом 1907 г. в Туркестан, Еж. Ан. XIII, XLVI—XLVIII.

Голый маршрут по дням.

88. Помесь между крявкой и красноносым нырком (Anas boschas L. × Netta rufina Pall.), С. Ох., № 8, 176—183.

Подробное описание помеси (самец 24.XII 1907 ур. Сардаба в 25 вер. от ст. Голод. Степь Ср.-Аз. ж. д.) параллельно с самцами A. boschas и N. rufina.

89. Beitrag zur Kenntnis der Lasurmeisen (Cyanistes), Orn. Mon., XVI, № 1, 4—6.

90. Tetraogallus caspius semenow-tianschanskii subsp. nov., Orn. Mon., XVI, № 2, 28—29.

91. u. Loudon, Noch eine neue Form des Zaunkönigs. Troglodytes parvulus zagrosensis (subsp. nov.), Orn. Mon., XVI, № 2, 29—30.

92. Eine kurze vorläufige Bemerkung über einen neuen Specht (Dendrocopus major transcaspicus subsp. nov.), Orn. Mon., XVI, № 4, 66—67.

93. Bemerkungen über die Rohrmeise (Anthoscopus rutilans Sewertz.), Orn. Mon., XVI, № 10, 162—163.

94. Berichtigung, Orn. Mon., XVI, № 10, 163.

Поправка к замечанию Бутурлина о нахождении Columba rupestris turkestanica в Закасп. обл.—он на самом деле найден на р. Мургаб в Бушане (горная Бухара).

95. u. Loudon, Montifringilla alpicola groum-grzimali Sar. et Ldn. und M. alpicola gaddi Sar. et Ldn., Orn. Mon., XVI, 164—165.

Авторы высказываются против отождествления обеих этих форм с Mon. alp. alpicola, как это делает Б и а н к и, и настаивают на их самостоятельности.

96. Заметка о дупеле (*Gallinago major* Gm.) из Туркестана, С. Ох., № 1, 12—13.
97. Заметка о гиенах. (Вниманию туркестанских охотников), С. Ох., № 5, 115—117. Изложение статьи Сатунина „Гиены Передней Азии“ и подробное описание самца с р. Сурхан (Бухара), принадлежащего к *caspius*. Н. Wilkewicz, а не к *H. bokhagensis*, как можно было бы предполагать.
98. Предварительная заметка о некоторых фазанах из бассейна Аму-дарьи, С. Ох. № 6, 127—129.
99. Заметка о новом виде фазана (*Phasianus non-ultimus* sp. nov.). Вниманию аму-дарьинских охотников, С. Ох., № 7, 141—143.
100. Заметка об фазанах из Ферганы, С. Ох., № 20—21, 352—353.
101. Орнитологические заметки, Н.-Ох., № 12, 122—123.
- I. *Troglodytes talyschensis* But. 1908 (Талыш в Закавказье) должен отойти в синонимы *T. parvulus hyrcanus* Z. et Ldn. II. *Certhia talychensis* But. 1908 (Закавказье) тоже должна отойти в синонимы *C. familiaris persica* Zar. et Ldn. (Продолжение см. 109).
102. *Cinclus tenuirostris korejewi* subsp. nov., Orn. Mon., XVII, № 2, 19—20.
103. *Budytes citreoloides iranica* subsp. nov., Orn. Mon., XVII, № 2, 20—21.
104. Über einen interessanten Pieper aus Turkestan, Orn. Mon., XVII, № 3, 38—41.
105. *Anthus pratensis enigmaticus* subsp. nov. aus dem russischen Turkestan, Orn. Mon., XVII, № 4, 56.
106. Mitteilung über eine neue Form des syrischen Spechts (*Dendrocopus syriacus milleri* subsp. nov.), Orn. Mon., XVII, № 6, 81—82.
107. Kann man den Turkestanischen Myiophoneus temminckii (Vigors) als typische Form ansehen, Orn. Mon., XVII, № 11, 166—168.
108. *Cinclus leucogaster triznae* subsp. nov., Orn. Mon., XVII, № 12, 180—181.

1910.

109. Орнитологические заметки. Н. Ох., № 1, 138—139 и № 4, 114—117.
- Продолжение 101. Заметка III. Автор настаивает на самостоятельности *Parus major caspius* Zar. et Loud. против Бутурлина, считающего ее тождественной с *P. m. aphrodite* Madag. и предлагает, если по номенклатурным правилам название „*caspius*“, как попен преосиратум, не может быть сохранено, другое—*P. m. korelini* nom. emend. Заметка IV. Описание *P. m. jtnicovi* subsp. nov. Заметка V. Автор настаивает на своем названии *Eupoeotonus collurio fuscatus* против наименования его *Lanius collurio kobylini* But. Заметка VI. Автор настаивает на названии *Otomela varia* против переименования, как попен преос., Бутурлиным в *Lanius zarudnyi*. Заметка VII. Описание. *Regulus regulus hyrcanus* subsp. nov. Заметка VIII. Описание *Palumbus palumbus iranicus* subsp. nov.
110. Птицы Псковской губернии, Зап. АН., XXV, № 2, 1—182.
- Помечена 27. I. 1907. 1) Предисловие „Предлагаемая работа включает полный список видов птиц, до ныне известных в Псков. губ., дает сырой биологический материал.. и почти исключительно представляет результат тех орнитологических исследований, которые, часто совместно с другими лицами, велась мною в Псковской губ., начиная с IX 1892 г. и кончая VII 1906 г.“ 2) Список видов птиц, найденных в Псковской губ., с обозначением гнезд., залет. обьк. и проч. Всего 285 форм. 3) Часть систематическая (8—182), заключающая 285 форм.
111. Заметки по орнитологии Туркестана, Ор. В., 99—117, 171—178.
- „В VIII. 1906 г. я поселился в Ташкенте и с тех пор деятельно занимаюсь орнитологией Туркестана“. „Уже за истекшие три с половиной года мне удалось собрать очень большой орнитологический материал, в котором имеется немало нового, или, во всяком случае, интересного. В этом материале, представленном птичьими шкурками в несколько тысяч экземпляров и обширными записями, имеются указания на такие виды птиц, которые либо совершенно новые для орнит. фауны Туркестана, либо до сих пор скрывались целиком или только отчасти под чужими именами, либо были известны в ничтожном количестве экземпляров; имеются в нем данные, представляющие систематическое значение, а также такие, которые в разных направлениях выясняют биологию мало известных видов и представляют порою интересные добавления к биологии хорошо известных; содержат сведения зоогеографического характера и такие, которые выясняют пролетные дороги...“ „при чем мне приходится иногда говорить и о данных, происходящих из сопредельных частей Китая, Афганистана и Персии“. „Нижеследующие заметки будут мною даваться без всякого систематического порядка, в зависимости от времени, которым буду располагать, от степени интереса того или другого вопроса и от количества материала.

скопившегося у меня в руках". Говорится о 81 форме. Как новая описана *Tetraogallus himalayensis sewerzowi* subsp. nov. и aberrация *Fringilla montifringilla ab. atrigularis* (Продолжение см. 116).

112. *Cyanecula leucocoryna turkestanica* subsp. nov., Orn. Mon., XVIII, № 7—8, 122.

113. Bemerkungen über einige Vögel aus dem Chanat Buchara, Orn. Mon., XVIII, № 9, 174.

I. *Galerida vambergi* Hürms найден в окрестностях города Келифа и в басс. р. Тенгидарья. II—описана, как новая *Clivicola bilkewitchi*. III—оп., как нов. *Saxicola evreipowi*. IV—*Ammomanes orientalis* Zar. et Loud—хороший вид.

114. Über einige Vögel aus dem Chanat Buchara, Orn. Mon., XVIII, № 12, 187—189.

1) *Chelidon smithii* Leach. (окр. Куляба). 2) *Riparia bilkewitchi* Sar. sp. n. 3) *Trochopteron lineatum bilkewitchi* subsp. nov., 4) *Phoenicurus phoenicurus turkestanicus* subsp. nov., 5) *Phoenicurus mesoleuca bucharensis* subsp. nov. и Ph. m. incognita subsp. nov.

115. Bemerkung über den transkaspisch-iranischen *Cursorius*. (*Cursorius gallicus iranici* subsp. nov.), Orn. Mon., XVIII, № 12, 190.

1911.

116. Заметки по орнитологии Туркестана, Ор. В., 1—16, 89—99, 311—312.

Продолжение 111. Говорится о 34 формах. 7 новых для Туркестана видов. Подробные данные о *Ammomanes deserti orientalis* Z. et Ldn., *Ammomanes deserti iranica* subsp. n., *Acanthis hürmsi* nom. em., *Tetraogallus himalayensis incognitus* subsp. n. (Продолж. см. 131).

117. Заметка о *Graculus pelagicus* Pall., Ор. В., 18.

Найден на р. Уссури против пос. Шереметевского—новость для внутренности материка.

118. Новое к орнитофауне Псковской губернии, Ор. В., 21.

1) *Uria grylle* L.—новая для Псковской губ., 2) *Tringa schinzi* Brehm—именно этот вид гнездится в Псковской губ. 3) *Gallinago major* Gm.—добыт пуховой птенец, 6. VIII.

119. Заметка о славках кавказской и новой загросской, Ор. В., 130—141.

Sylvia althea caucasica Ogn. et Vanik.—встречается и в Персии. Описана как новая *Sylvia alt. zagrossiensis*.

120. Интересные стрижи, Ор. В., 122—143.

Описан, как новый *Apus apus turkestanensis* и *A. murinus persicus*.

121. По поводу поправок С. А. Бутурлина к Туркестанским заметкам, Ор. В., 171—174.

Возражение о 1) *Perdix daurica* subsp. 2) *Anthus pratensis enigmaticus* Zar. и 3) *Saxicola isabellina*,

122. Несколько заметок по орнитофауне Харьковской и Полтавской губернии, Ор. В., 272—277.

„Эти заметки являются дополнением „к Птицам долины Орчика (22)... Выбираю из них наиболее интересные“. Говорится о 31 виде.

123. О туркестанской и закаспийской зеленушках (*Chloris chloris turkestanicus* Zar. и *Chloris chloris bilkewitchi* subsp. nov.), Ор. В., 299—306.

124. и Билькевич, Новая форма черной синицы: *Periparus ater chorossanicus*, subsp. nov., Ор. В., 307—310.

„Таким образом в Персии черная синица представлена... тремя формами: 1) *P. at. phaenotos* Blanford. 2) *P. at. gaddi* Zar. и 3) *P. at. chorossanicus* subsp. nov.“.

125. Bemerkung über einige Vertreter der Gattung *Syrnium*, Orn. Mon., XIX, № 2, 32—34.

Описаны, как новые *S. hürmsi* и *S. blanfordi*.

126. Eine neue Form der Rohammer aus Turkestan (*Cynchramus pyrrhuloides hürmsi* subsp. nov.), Orn. Mon., XIX, № 4, 72—73.

127. *Ammoperdix bouhami bokharenensis* subsp. nov., Orn. Mon., XIX, № 5, 83—85.

128. u. Hürms, *Tchitrea paradisi turkestanica* subsp. nov., Orn. Mon., XIX, № 5, 85—86.

129. Verzeichnis der Vögel Persiens, Jour. Or., LIX, № 2, 185—290.

Предисловие переводчика Hürms'a. Сводка орнитологических результатов всех персидских путешествий. Краткое указание маршрутов всех персид. путешествий и перечисление опубликованных результатов. Список литературы по птицам Персии. Персию автор делит на след. зоологическ. участки: I. Северо-западный, II. Южно-каспийский, III. Хорассанский, IV. Парапамизский, V. Сеистанский, VI. Кугистан-Кермендский, VII. Белуджистанский, VIII. Береговой Персидск. залива и Аравий-

ского моря, IX. Загросский и X. Месопотамский. Список птиц по орнит. участкам с отметками: гнезд, прол. и проч. (196—229). Всего 716 форм + 6 в добавл. Примечания системат. и географич. характера к 106 формам. Биологии нег. Как новые описаны *Periparus phoenotus gaddi*, *Acrocephalus streperus blanfordi*, *Ac. dumetorum turanica*, *Agrobates familiaris persica*, *Porphyrio poliocephalus seistanicus*, *Gecinus viridis bampurgenis*.

130. Краткий предварительный отчет Н. Зарудного о поездке по Бухарскому ханству в 1910 г., Отч. РГО за 1910 г., 17—22.

Краткий отчет с подробным маршрутом. Есть кое-какие зоологические данные.

1912.

131. Заметки по орнитологии Туркестана, Ор. В., 16—30, 111—123, 197—228.

Продолжение 116. Говорится о 36 формах. Как новые описаны *Chroicocephalus ridibundus lavrovi*, *Urinator arcticus suschkini* и *Cerchneis naumanni turkestanicus*. Между прочим, описаны впервые выродки *Phasianus turkestanicus* L. o. r. и даны подробные данные по биологии *Mylorhoneus temminckii turkestanicus* Z. et H. ä r m s. и *Cinclus*. (Продолжение см. 146).

132. Заметка о южно-каспийском корольке (*Regulus regulus hyrcanus* Z. a. r.), Ор. В., 64.

Regulus regulus buturlini Loud. (1911), судя по описанию и местонахожд. (Талыш в Закавказье), есть синоним R. r. hyrcanus Z. a. r.

133. и Билькевич, Большая белая синица (*Parus bokharensis* Licht.) и ее расы, Ор. В., 132—150.

(*Parus intermedius* Z. = *P. transcaspicus* Z. — типа *P. major* L.). 1) *Parus bokharensis turkestanicus* Z. et Loud., 2) *P. b. ilinensis* subsp. nov., 3) *P. b. dzungaricus* subsp. nov., 4) *P. b. bokharensis* Licht. Многочисленные таблицы измерений.

134. Заметка о персидской горихвостке (*Phoenicurus semenowi* Z. a. r.), Ор. В., 244—246.

Автор настаивает на самостоятельность этого вида против мнения Hartert'a и дает подробное описание.

135. Предварительные заметки о варакушках (*Cyanecula*) Туркестана, Ор. В., 308—316.

„В русском Туркестане, считая в его пределах Бухарское ханство и Закаспийскую область, встречается целый ряд варакушек: 1) *Cyanecula svecica svecica* L., 2) *C. s. robusta* Butur., 3) *C. s. pallidogularis* Z. a. r., 4) *C. s. discessa* Mad., 5) *C. cyanecula occidentalis* Z. a. r., 6) *C. s. turkestanica* Z. a. r., 7) *C. s. abbotti* Rishm. Сообщаются подробные данные о распространении, описания с измерениями.

136. и H. ä r m s, Bemerkung über den Paradiesfliegenschäpper aus Ceylon, Orn. Mon., XX, № 4, 58—60.

Описание *Tchitrea paradisi ceylonensis* subsp. nov.

137. Über *Crateropus caudatus albirostris* Hart., Orn. Mon., XX, № 6, 95—96.

Подробное описание.

138. *Turdus viscivorus loudoni* nom. nov., Orn. Mon., XX, № 6, 96.

Переименование *T. v. sarudnyi* Loudon по номенклатурным соображениям в *T. v. loudoni* nom. emend. *T. pilaris sarudnyi* Loud. есть синоним *T. p. pilaris* L.

139. и H. ä r m s, Bemerkungen über einige Vögel Persiens, Jour. Or., LX., № 4, 592—619.

Биологические наблюдения над некоторыми птицами, произведенные в 1900—1901 гг. 1) *Passer yattli* Sa. g. r. e (рисунки 6 гнезд), 2) *Cinnurus brevirostris* (Bl. a. n. f.), 3) *Pisnonotus leucotis* (Gould.). (Продолж. см. 153).

140. Маршрут поездки Н. А. Зарудного, совершенной при нравственной поддержке ИРГО, Отч. РГО за 1911 г., 8—11.

Совместная поездка с Люшиным и Лавровым. Подробный маршрут по дням (из Чиназа до Перовска на лодке по Сыр-дарье).

1913

141. и Билькевич, К орнитофауне Закаспийской области и соседних с нею частей Персии, Ор. В., 20—33.

Главным образом по сборам Билькевича. Всего 38 форм. Как новый описан *Xylocorpus minor hyrcanus*.

142. Новые формы ремезов (*Remiza*), Ор. В., 46—50.

Описание *Remiza pendulina bostanjogli* subsp. nov. и *R. p. menzbleri* subsp. nov.

143. Овсянки в различной степени переходные между *Emberiza leucosephalus* S. G. G. m. и *Emberiza citrinella erythrogenys* G. r. e h. m., Ор. В., 91—109.

По материалу из Сыр-дарьинской обл. Условное описание *Emberiza leucosephalus kargovi* subsp. n. „Хартерт совершенно правильно отождествляет мою *Emberiza mollesoni* с *Em. citrinella erythrogastrus*. По моему мнению, она составляется особями атактистическими и во всяком случае не гибридами“. (Примеч. на стр. 109).

144. и Билькевич, Новая форма клинтуха (*Columba oenas hircana* subsp. nov.), Ор. В., 120.

145. Заметка к *Cornix cornix* Linn. var. *christophi* Alph. nova, Ор. В., 122.

В дополнение статьи Алферак и приводится выдержка из Орнит, фауны Оренбург. края о красных выдрках серой вороны.

146. Заметки по орнитологии Туркестана, Ор. В., 137—150, 246—256.

Продолжение 131. Говорится о 7 формах. Как новая, описана *Jynx torquilla hircana*. Между прочим, подробные данные о распространении и биологии *Erythropsiza mongolicus* Swinh. (с 3 схемами гнезд) и *Chloris chloris turkestanica* Zar. (Продолжение см. 176).

147. Краткая заметка о новой форме розового снегиря (*Carpodacus rhodochlamys kotschubei* subsp. nov.), Ор. В., 165—166.

148. *Caudolanius erythronotus jaxartensis* Buturl., Ор. В., 167—174.

Автор соглашается с выделением этой формы и приводит большое количество измерений туркестанских экземпляров.

149. Заметка о новой пеночке из Туркестана (*Phylloscopus collybita subsindianus* subsp. nov.), Ор. В., 269—271.

150. Мон ошибки в вопросе о формах черноголового щегла (*Carduelis carduelis*) и их исправление, Ор. В., 274—286.

Автор разбирается в следующих формах: *C. c. volgensis* But., *C. c. major* Tacz., *V. c. brevirostris* Zar. и описывает, как новые *Carduelis carduelis iranensis* subsp. n. и *C. c. blanfordi* subsp. nov. Большое количество промеров. Таблицы распространения представ. р. *Carduelis* в Восточной Персии для исправления таковой в работе 53.

151. u. Hä r m s, Neue Formen der Francoline aus Persien, Orn. Mon., XXI, № 4, 53—55.

152. u. Hä r m s, Über *Parus bokharensis* Licht. und seine nächsten Verwandten, Orn. Mon., XXI, № 9, 141—143.

Исправление к 133. *P. b. turkestanicus* Zar. et Loud. (= *P. cinereus ferghanensis* But.) есть синоним *P. bokharensis* Licht. (1823 г., г. Бухара). Закаспийские птицы нуждаются в новом названии. Итак мы имеем: 1) *P. b. bokharensis* Licht. 2) *P. b. himensis* Zar. et Bilk. 3) *P. b. panderi* subsp. nov. 4) *P. b. dzungaricus* Z. et Bilk.

153. u. Hä r m s, Bemerkungen über einige Vögel Persiens. II. Die Sperlinge Persiens, Jour. Orn., 61, № 4, 630—661.

Продолж. 139. Сведения о 15 формах, 1) *Petronia* (2 форм.), 2) *Gymnoris* (1 форм.) и 3) *Passer* (12 форм.). (Продол. см. 215).

1914

154. К вопросу о формах каменной куропатки (*Caccabis kakelik* Falk), Ор. В., 52—60
Автор настаивает на приоритете названия *C. kakelik* (Falk) (1786) перед *C. chukar* (Gray) (1830—32). Разбор литературы. Описаны *C. k. humei* nom. emend., *C. k. koro-viakovi* subsp. n. и *C. k. subpallidus* subsp. n.

155. По поводу статьи С. А. Бутурлина „*Cyanistes cyanus yenisseeensis* But. et Tugar. в Кневе“, Ор. В., 61—62.

Автор считает, что материал, бывший у Бутурлина и Тугаринова, недостаточен для решения вопроса (возможно, что они приняли за енисейских князьков молод. особей типичных). „Во всяком случае, залет сибирского князька в окрестности Киева невозможен в такое раннее осеннее время, как 25—30 октября“.

156. Заметка о кукушках Туркестана, Ор. В., 105—115.

Автор принимает для Туркестана следующие формы: 1) *Cuculus intermedius intermedius* Vahl., 2) *C. optatus* Gould., 3) *C. canorus canorus* L., 4) *C. c. telephonus* Heine и 5) *C. c. subtelephonus* subsp. n.

157. Имена больших белых синиц и исправление этих имен, Ор. В., 122—126.

158. О существовании малой поганки (*Trachybaptus spec.?*) в Оренбургской губернии и Уральской области, Ор. В., 174—175.

Автор настаивает, против Бианки, на своем наблюдении *Trachybaptus nigricans saropensis*. „Из южной части Каспийского моря, где она зимует массами, ей вовсе уж не так трудно залететь и гнездиться в бассейне р. Урала (хотя бы в ничтожном числе)“.

159. Виды и формы ремезов (*Remiza*) Русского Туркестана, Ор. В., 184—222.

Подробные данные о 9-ти туркестанских представителях.

160. Новый фазан из Туркестана (*Phasianus mongolicus bergii* subsp. nov.), Ор. В., 277—278.

161. Чекан без названия (*Saxicola finschii neglecta* subsp. nov.), Ор. В., 279—280.

162. По поводу некоторых розовых снегирей Туркестана, Ор. В., 284—292. Подробные данные и промеры: 1) *Caprodacus rhodochlamys* (Brnd.), 2) *C. grandis grandis* Blyth., 3) *C. g. kotschubetii* subsp. nov.

163. Помеси между нырками красноголовым и белоглазым (*Nyrgosa ferina* × *Nyrgosa nyrgosa*), Ор. В., 296—309.

Подробное описание, сравнительно с красногол. и белоглаз. нырками, помеси самца из уроч. Сардаба (25 вер. от ст. Ср.-Аз. жел. дор. „Голодная степь“). Подробное описание помеси самца оттуда же.

164. Странный случай, Н. Ох., № 12, 31—32.

В первой половине апреля 1914 г. на Бугунских болотах (к ю.-в. от г. Туркестана) наблюдалось лебединое гнездо, владелица которого (*Cygnus olor*) была убита за несколько дней, и ее гнездо заняла гусыня (*Anser anser*), у которой за несколько дней была забрана кладка. Гусыня раздала гнездо сообразно своей природе: устроила лоток соответствующих размеров и выстлала его остатками своего пуха и пригодных перьев. Своих яиц, как показало вскрытие, она не имела в запасе, а лебязки уже слегка насидела.

165. По поводу статьи „Туркестанские раки“, Туркестанские Ведомости, 17 янв., № 4748, один столбец.

Небольшая заметка, подтверждающая опасения, высказанные автором „Туркестанские раки“, полного вылавливания этих животных, ибо при легкости добывания „туркестанский рак“ (*Potamobius kessleri* Schimk.) водится только в Буржаре около Чимкента и к северу от г. Туркестана всего на 10—12 вер. — это реликтовая форма сарматского бассейна.

166. u. Härm s. Vorläufige Bemerkung über zwei neue Formen der Berghänflinge aus dem Russischen Turkestan, Orn. Mon., XXII, № 4, 53—54.

Linota brevirostris korejevi subsp. n. и *L. l. pamirensis* subsp. n.

167. Weitere Formen der Rohrmeise (*Remiza macronyx*), Orn. Mon., XXII, № 4, 57—58.

Описание *R. m. loudoni* subsp. n.

168. u. Härm s. Bemerkungen über einige Vögel der Ostseeprovinzen, Orn. Mon., XXII, № 7/8, 103—106.

Замечания фаунистического характера о 5 видах.

169. Паи ков, „Кое-что о природе пустыни Кызыл-кум и ее фауне. Извлечение из доклада Н. А. Зарудного“, ТРГО, X, 1, 155—162.

Читан 29 марта 1913 г. Общее описание поездки 1912 г. Ландшафт, растения, животные.

1915

170. и Молчанов, К авифауне Памира, Еж. АН, XIX (1914), 439—477.

Представлено 22 января 1914 г. 1) Предисловие: границы Памира, исторический обзор исследований, краткий маршрут Молчанова за лето 1913 г. „Личные наблюдения над распространением птиц и биологическая часть этой статьи, а равно общий обзор птиц... написан Молчановым. Определения птиц, описание состояния их оперения и все измерения сделаны Зарудным. На ряду с видами, лично наблюдавшимися Молчановым, приводим мы и все остальные, известные до сих пор для Памира, делая в таких случаях соответствующие указания на источники“. „Вводятся нами в эту статью еще нигде не опубликованные данные, полученные Зарудным в результате осмотра небольших кол. и отдельн. экзempl., собранных на Памире птиц“. 2) Общий обзор птиц Памира и Алая (145—177), всего 168 №. Как новые, описаны *Euspriza rutila pamirensis* и *Chalmorrornis leucocephala pamirensis*.

171. Птицы пустыни Кызыл-кум, с 5 табл., Мат. позн. фауны и флоры Росс., XIV, 1—140.

1) Введение (помеч. 1 декабря 1912 г.). „В принятых мною границах эта страна представляет все пустынное междуречье, заключенное между долиной Сыр-дарьи на севере, Аральским морем на западе и долиной Аму-дарьи на юге“. „Цель моей статьи заключается в сводке главнейших данных по птицам Кызыл-кума, в исправлении не редких случаев неточных определений и выводов, допущенных некоторыми из сейчас приведенных натуралистов, в сообщении личных своих наблюдений, в разного рода дополнениях и, наконец, в предствлении списка до сих пор известных для пустыни птиц“. Исторический обзор с указанием маршрутов, свой маршрут. 2) Часть систематическая (14—138) содержит всего 230 форм. 3) Таблица распределения птиц Кызыл-кума по станциям (горы, равнины) с отметк. залет., брод., осед. и пр. с примечаниями. Всего 230 форм. Таблицы—фотографии ландшафтов.

172. Индийская райская мухоловка в Туркестане (*Tchitrea paradisi turkestanica* Zar. & Härms), с 1 таб., Мат. позн. фауны и флоры Росс., XIV, 150--170.

Подробная биология и распространение. Таблица—ряд схем гнезд.

173. Поездка летом 1912 г. по восточному Кызыл-куму и заметка о разьезде, произведенном в нем в 1907 г., Изв. РГО, XLIX, 1913, в. IV—VI, 315—394.

Статья общегеографического характера. Биологических данных почти нет (по орнит. см. стр. 334, 336, 350, 352, 359, 363, 364, 371, об архарах стр. 353). „Не смотря на неполноту наблюдений, эти монотонные страницы тем не менее заслуживают некоторого внимания, так как часто относятся к пространствам, еще никем не описанным“. Маршрутное описание местности (г. Туркестан, мес. Кадды, Кавчан-ата, кол. Дорт-кудук, род. Ащи, кол. Аристан-бель-кудук, кол. Огуз-кудук, г. Туркестан). Горные породы, собранные в Киз.-кум. Зарудным в 1902 г. (глава эта написана Назаровым). Таблица метеорологических наблюдений. Список гипсотермометрических измерений.

174. Поездка на Аральское море летом 1914 года, ТРГО, XI, в. 1, Дополн. к науч. результат. Аральск. эксп., в. XIII, 1—91.

1. Общая часть (1—91). 1) Предисловие с историч. очерком. 2) Подробный маршрут по дням. 3) Описание плавания в виде выдерж. из дневника (13—84). Зоологических данных очень мало. 4) Метеорологические заметки по дням.

175. Гады Арала (Амфибии и рептилии берегов и островов Аральского моря, преимущественно его восточного района), *ibid.*, 113—125.

„Нам удалось добыть довольно длинный ряд видов, до сих пор для фауны Арала бывших еще неизвестными, а для видов известных доставить многочисленные указания новых местонахождений“. Всего сообщается о 3 вид. амфибий и 28 рептилий (из коих 9 новы для Арала).

176. Заметки по орнитологии Туркестана, Ор. В., 56—58.

Продолжение работы 146. Говорится о 8 формах, в том числе 3 новых для Туркестана вида. (Продолж. см. 213).

177. О самостоятельности белокрылой сороки (*Pica pica bactriana* Bonap.), как отдельного подвида, Ор. В., 152—183.

178. *Sterna hirundo turkestanensis* subsp. nov., Ор. В., 226—228.

Даются многочисленные измерения как новой формы, так и *S. h. hirundo* (L.) и *S. h. tibetana* Saund.

179. Краткий очерк охотничьего промысла в Сыр-дарьинской области, с 2 фот., Туркестанское сельское хозяйство, Ташкент. № 7, 668—676, № 8, 756—778. (Перепечатано в „Турк. Охотник“ за 1923 г.).

Популярная работа, но дающая ряд интересных сведений о географич. распрот. птиц и млекопит. Животные рассматриваются в систематич. порядке. Даются латинск. и местн. назв., распростран., иногда цены, способы охоты. Биологии почти нет.

180. К условиям гнездования ремеза европейского (*Remiza pendulinus* L.), Журн. „Птицеведение и Птицеводство“, Москва, VI, в. 1, 88.

Автор обращает внимание автора „Птицы Павлоградского у., Екатеринославской губ.“ Перекрестова на то, что о гнездовании *R. pendulinus* в камышах до сих пор было неизвестно, и просит подробно описать эти гнезда.

1916.

181. О некоторых ласточках из Русского Туркестана, Ор. В., 25—39.

Роды *Chelidon* и *Riparia*. 1) *Ch. urbica urbica* (L.). 2) *Ch. ur. alexandrovi* subsp. nov. 3) *R. r. riparia* (L.). 4) *R. r. diluta* (Sharpe & Wyatt). 5) *R. r. plumipessubsp.* nov. 6) *R. r. inopinata* nom. emend. 7) *R. sinensis bilkevitschi* Zar.

182. К ремезам (*Remiza*) Туркестанского края, Ор. В., 91—96.

Описание *R. macronyx aralensis* subsp. n.

183. О серых щеглах (*Carduelis caniceps*) Русского Туркестана, Ор. В., 155—177.

В пределах Русского Туркестана встречаются: 1) *C. carduelis major* Tacz. × *C. caniceps orientalis* (Ever sm.), 2) *C. c. orientalis* (Ever sm.), 3) *C. c. parapamisi* Collibaу, 4) *C. subcaniceps* subsp. nov.

184. и Билькевич, Заметка об усатых синицах (*Panurus*) Туркестанского края, Ор. В., 240—241.

Описание *Panurus biarmicus alexandrovi* subsp. nov. Z. et Bilk. и *P. b. turkestanicus* subsp. nov.

185. Еще о ремезах Туркестана, Ор. В., 254—255.

Remiza macronyx paradoxa Zag. сводится в синонимы *R. ssaposhnikowi* (Joh.).

186. Птицы Аральского моря, ТРГО, XII, 1, Допол. к науч. рез. Аральск. эксп., XIV, 1—229.

Помечено 15 марта 1915 г. Орнит. логич. результаты поездки летом 1914 г. совместно с Кудашевым. Введение (разбор предшествующих работ, маршруты). Список литературы. Систематическая часть содержит 329 форм (1—204). Таблица распределен. птиц по свойствам их пребывания. Добавл. 1 присоед. еще 6 форм. Добавл. II—еще 3, всего = 338 форм. Примечания. Как новые описаны 7 форм.

187. и Кудашев, Несколько слов о формах домашнего воробья.

Описание 4 нов. подвидов.

188. Третья экскурсия по Восточной Персии. (Хорасан, Сеистан и Персидский Белуджистан 1900—1901 гг.), Зап. РГО, I, 1—448.

Помечено 12 апреля 1902 г. 1) Предисловие в виде краткого отчета, 2) Маршрут по дням. 3) Маршрутное описание местности (17—397). 4) Метеорологические наблюдения по дням (398—448).

1917

189. Представители рода *Synsgrammus* в Русском Туркестане, Ор. В., 37—56 и 98—116. Подробный разбор, описание (с больш. табл. измер.) и распростран. всех туркест. предств. рода (13 форм, в том числе две новые—*S. schoeniclus ukrainae* и *S. sch. incognatus*).

190. Летняя экскурсия по бухарским владениям летом 1910 г., ТРГО, XIII, 1, 30—97. Маршрутное описание местности почти без биол. данных.

191. Несколько орнитологических заметок из бухарской поездки 1910 г., ТРГО, XIII, 1, 99—101.

Описаны *Peristera cambayensis centralasiae* subsp. nov., *Emberiza cia lasdini* subsp. n. и *Montifringilla alticola prosvirowi* subsp. n.

1918

192. Примечание Зарудного и Билькевича в Билькевич „Коллекции Закаспийского музея. Млекопитающие (Mammalia)“, Изв. Закасп. музея, кн. 1, 12. Заметка в несколько строк с описанием *Saraga aegagrus neglectus* Z. et Bilk. subsp. n. (тип. окрест. Бэндун. з.-с.-з. от Сеистана в вост. Персии).

193. Орнитологические новости Туркестана, Ibid., 13—15.

Предварит. опис. 12 новых форм.

194. и Билькевич, Орнитологические новости Закаспия. Ibid., 16.

Описание 3 новых подвидов.

195. и Билькевич, Закаспийская черная мухоловка (*Muscicapa semitorquata transcaspiica* subsp. nov.). Ibid., 17—18.

196. и Билькевич, Список птиц Закаспийской области и распределение их по зоологическим участкам этой страны, Ibid., 14—48+1—8.

Помечено 19 сентября 1916 г. 1) Предисловие. „В 1896 г. вышла из печати книга моя „Орнитологическая фауна Закаспийского края...“ с тех пор прошло 20 лет; срок, как оказалось, вполне достаточный, чтобы внести некоторые изменения в распространении нескольких видов птиц... С тех пор упомянутая книга успела составить и теперь может подать повод к ложным заключениям. С тех пор орнитологическая номенклатура сделалась более дисциплинированной, и многие виды пришлось разбить на подвиды“. Пределы „Закаспийского края“ несколько расширены. Зоологические участки принимаются те же, что и раньше. 2) Список птиц по зоологическим участкам с обознач. оседл., прол., гнезд. и пр. (19—48) всего 646 форм. 3) Примечания (1—8) к 59 формам, среди них описаны *Sarcogrammus indicus transcaspius* subsp. n.

197. и Билькевич, Птицы гор „Большой Балхан“ и южного к ним подступа, ТРГО, XIV, 1, 37—71.

Помечена 17 июля 1917 г. Результаты поездки Билькевича с препаратором Александровым весной 1917 г. Маршрут, биологические данные и распространение написаны Билькевичем, системат. часть — Зарудным. 1) Географический очерк, 2) Маршрут по дням, 3) Распространение и биол. данные (39—48) всего 86 форм + 1 (примеч. стр. 71) = 87. 4) Систематич. часть (48—71) касается 61 формы (точ. даты экземпляров, многочисленные измерения).

198. Несколько новостей к орнитологии Туркестанского края, ТРГО, XIV, 1, 125—126

Краткое описание 6 нов. подвидов.

199. К новостям Туркестанской орнитофауны, ТРГО, XIV, 1, 140.

Краткое описание 2 новых подвидов.

1923.

200. и Билькевич, О широкохвостых камышевах (*Cettia*) Русского Туркестана ТРГО, XVI, 35—38.
201. и Билькевич, К вопросу о гнездовании ремезов (*Remiza*), *Ibid.*, 39—44+4 табл. рис. (гнезда).
202. К вопросу о водяном пастушке (*Rallus*) Туркестана, *Ibid.*, 44—48.
Промеры 75 *Rallus aquaticus korejewi* Zar.
203. Заметка о вяхирях (*Palumbus*) Туркестанского края, *Ibid.*, 48—51.
Данные по систематике *P. casiotis* и *P. palumbus iranicus* Zar.
204. Обзор некоторых воробьев группы *Passer domesticus*, *Ibid.*, 52—63.
P. d. domesticus, *P. d. semiretschiensis* subsp. n., *P. d. hircanus* subsp. n. *P. d. bactrianus* subsp. n., *P. d. indicus* Jard. et Seiby, *P. d. persicus* subsp. n.
205. Заметка о *Chaimargornis leucosephala pamirensis* Zar. et Moltch, *Ibid.*, 63—64
206. К вопросу о подвидах белоспинного чекана (*Saxicola finschii* Heugl.), *Ibid.*, 65—72.
207. О некоторых чеканах (*Saxicola picata* Blyth, *S. capistrata* Gould, *S. opistholeuca* Strick. и *S. opistholeuca evreinovi* Zar.), *Ibid.*, 72—81.
208. К материалам по ласточкам Туркестана, *Ibid.*, 82—83.
Описание *Hirundo rustica loudoni* subsp. n.
209. Обзор белокрылых дятлов Русского Туркестана, *Ibid.*, 83—103.
210. и Д. Смирнов, Представляет ли улит черныш (*Helodromas ochropus* (L.) одну форму?, *Ibid.*, 104—107.
Описание *H. och. similis* subsp. n.
211. По поводу сорок, *Ibid.*, 107—114.
Полемика систематического характера с Бутурлиным.
212. и Д. Смирнов, Дробится ли поручейник (*Totanus stagnatilis* Bechst.) на разновидности?, *Ibid.*, 114—118.
Описание *T. s. longitarsus* subsp. n. и *T. s. bechsteini* subsp. nov.
213. Заметки по орнитологии Туркестана, *Ibid.*, 118—121. Окончание № 111.
214. и Иоганзен, О барабинском ремезе (*Remiza pendulina barabensis* subsp. nov.) и его ближайших родичах, Изв. Томск. унив., LXXII, 5 стр.
215. и Härm s, Bemerkungen über einige Vögel Persiens, T. III, Jour. Orn., 398—421.
Продолжение № 153. Географическое распространение и биология персидских представителей рода *Sitta*. (Продолжение см. 216).

1926.

216. и Härm s, Bemerkungen über einige Vögel Persiens, T. IV, Jour. Orn., 1—52.
Продолжение № 215. Род *Oenanthe*—распространение, биология и систематика видов и подвидов.
217. Материалы к познанию орнитофауны Памира и Припамирья, БМОИП, отд. биол., XXXV, 233—288.
Помечено 18/XI 1916. „Эта статья составлена на основании осмотренных мною коллекций, собранных Г. С. Кочубеем в 1913 г. и В. Я. Лаздиным в 1915 г.“. „Всего навсего мною осмотрено 512 экземпляров сбора Г. С. Кочубея и 1144 сбора В. Я. Лаздина. Эти птицы относятся к 186 видам и подвидам“. „После перечня (экземпляров) я сообщаю данные о состоянии оперения и о состоянии линьки, а в некоторых случаях даю заметки, имеющие значение для систематики“.

1929

218. Маршруты Н. А. Зарудного по Туркестану за 1906—1915 гг. в Бобинской, Обзор и очередные задачи исследования фауны позвоночных Туркестана. Тр. Института зоологии, т. III, в. II, Москва, 130—131.
До сих пор не опубликованные маршруты по дням.

А. П. Семенов-Тянь-Шанский

Памяти Николая Алексеевича Зарудного

*Речь, прочитанная весной 1919 г. на общих собраниях обществ: Русского географического и Русского энтомологического*¹.

Около месяца тому назад официальная телеграмма от 17 марта 1919 г. на имя Русского географического общества и Зоологического музея Академии наук СССР принесла нам горестную весть о скоропостижной кончине в Ташкенте Николая Алексеевича Зарудного.

В душе каждого, кто имел случай, как имел счастье долгие годы и я, близко стоять к покойному, эта смерть заключила одну из содержательнейших глав жизни.

Должен сознаться, что неожиданная весть о кончине Николая Алексеевича Зарудного разбудила в моей памяти долго в ней спавшие величественные звуки похоронного марша Зигфрида, этого великолепного музыкального некролога героя в «Гибели богов» Вагнера.

Сравнение Зарудного со сказочным Зигфридом не так гиперболично, как это может показаться тем, кто только мельком встречал в жизни этого небольшого ростом, почти тщедушного человека, останавливающего на себе внимание разве только характерным южным типом своего лица, быстротой и гибкостью, своих всегда ловких движений, да открытым, детски доверчивым взглядом темнокарих глаз.

Вечная юность духа, неукротимый его пыл и энергия, детская его чистота и доверчивость к людям — вот что сближало духовный облик Зарудного со сказочным образом юноши — Зигфрида.

Среди его современников, Зарудного можно сопоставлять и сравнивать только с Пржевальским.

В нем всю жизнь горячо и неутомимо полыхало то же пламя беззаветной любви к природе и личной свободе в свободной, нетронутой человеком естественной обстановке. И душой, и разумом его всю жизнь безраздельно правила неутолимая жажда познания живой природы, — ее исследования и изучения.

Подобно Пржевальскому, Зарудный был с юных лет и страстным до самозабвения охотником, — но не охотником-спортсме-

¹ Приводится в сокращенном виде.

ном
поч
Бо
тог
Н
шая
В
част
дей
уме
лан
вне
ган
тор
сту
пос
пут
его
скр
стр
ши
Д
на
ни
и,
и г
ты,
ко
нос
Г
уч
Ср
ни
Ор
исс
и
Т
сво
ни
ше
фи
ос
но
ви
З
Н.
он
К
тор
1
под
вос
5

ном, а именно охотником-природолюбцем, природопоклонником. Вот почему, подобно Пржевальскому, С. Т. Аксакову, М. Н. Богданову, Зарудный так быстро и так рано вырос из простого охотника в тонкого натуралиста-наблюдателя.

Но в жизни была между Зарудным и Пржевальским большая и разница.

В то время как наш славный исследователь наименее доступных частей Средней Азии умел показать себя широкой публике, чему содействовали и счастливые внешние данные: богатырская фигура, умение говорить перед обширной аудиторией, организаторский талант и зачинателя и завершителя, — Зарудный, со своей скромной внешностью, со своей чисто детской застенчивостью и со своим органическим отвращением к позе, никуда не годился в роли триумфатора. Помню его, вынужденное усиленным на него давлением, выступление перед широкой аудиторией в Географическом обществе после одного из наиболее блестящих по результатам персидских его путешествий: выступление Зарудного, несмотря на известность его имени, не произвело никакого впечатления в публике: слишком скромно, можно сказать, робко повествовал о своих интереснейших странствованиях этот неустрашимый в путешествиях человек и решительно не умел показать «свой товар лицом».

Длинный ряд своих ранних путешествий Зарудный совершал на гроши, за свой личный страх и риск, при самом убогом снаряжении. При этом он, жертвуя всем, никогда не жалел своего здоровья и, работая сверх сил в опасной климатической обстановке, наживал и переносил тяжелые болезни (малярию, ревматизмы, острые гастриты, укусы ядовитых и бешеных животных, и т. д.)¹, которые в конце концов преждевременно подточили его здоровую и замечательно выносливую натуру.

Планируя свои маршруты, он преследовал одни только строго научные цели, — цели методического изучения фауны западной части Средней Азии. Только научные загадки, которые поставило перед ним упорное и детальное исследование и изучение фауны сперва Оренбургского, а затем и Закаспийского края, направили его в малоисследованную глубь и на окраины Ирана, где он и завоевал у людей и природы разгадку многих особенностей нашей туранской фауны.

Так же методичен и научно-последователен был Зарудный и в своих туркестанских изысканиях последнего десятилетия своей жизни. В результате всех этих исследований у него получилось совершенно отчетливое и достаточно точное представление о зоогеографических участках, их соотношениях и вообще о фаунистических особенностях всего Туркестанского края, — представление несравненно более ясное, чем это бывало у кабинетных зоогеографов, никогда не выдавших *in toto et in vivo* природы, о которой они писали.

За внешними отличиями, как и за широкой популярностью, Н. А. Зарудный никогда, даже в слабой степени, не гонялся. Если он подчас и получал их, то приходили они к нему сами.

Но скромное положение преподавателя кадетского корпуса, из которого он, по великой скромности своей, никогда не искал выхода,

¹ Н. А. Зарудный четыре раза был укушен бешеными собаками и четыре раза подвергался предохранительным прививкам, которые два раза вызвали у него воспаление брюшины.

мечтая лишь о чистой отставке ради большего простора для своих научных работ, лишало его в жизни все же многого. Так, мы знаем, что, несмотря на хлопоты друзей и в их числе университетских профессоров, он не был удостоен почетной ученой степени, которая была присуждена в свое время Пржевальскому, но которая, обыкновенно, к сожалению, низводилась у нас в дореволюционное время, в противоположность Западу, на степень, хотя и высшую, но все же по преимуществу учебную.

Для того, чтобы уяснить себе в целом научный подвиг жизни Зарудного надо коснуться фактической стороны этой жизни.

Родился Николай Алексеевич Зарудный 13 сентября 1859 года. Он принадлежал к старому, известному украинскому роду. Отец будущего славного нашего путешественника был страстной неуравновешенной натурой, с молодости запутавшейся в жизни и не оставившей поэтому своему потомству никакого состояния. Он не мог иметь никакого положительного влияния на своего сына. Мать же его была добрейшей, но мало образованной женщиной. Поэтому Николай Алексеевич, рано предоставленный своим силам, был всем обязан исключительно приращенным своим любознательности, даровитости и трудолюбию.

«Уже с ранних пор», пишет он в предисловии к своей «Орнитологической фауне Оренбургского края», зародилась во мне страсть к природе, к странствованиям, охоте и наблюдениям за образом жизни животных. Еще будучи мальчиком, ловил я насекомых и птиц, собирал растения, ставил ловушки на зверьков, добывал птичьи гнезда и яйца. И не было для меня, как нет и теперь, ничего дороже свежего воздуха, синего неба, простора степей и лугов, чащ лесных, крепей болотных...».

Образование Николай Алексеевич получил в учительской семинарии военного ведомства и уже в 1879 г. едва 20-летним юношей был назначен преподавателем в Оренбургскую военную гимназию, позже переименованную в кадетский корпус.

Первые научные выступления Зарудного имели уже вполне серьезный специальный характер. Это были статьи, появившиеся в 1881 г. в Сабанеевском журнале «Природа и Охота», под заглавием «Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга» и «Что такое коршунъ голубоногий (*Milvus glaucopus* Eversm.)». Они вполне точно предопределяли его дальнейшую научную деятельность, как биолога-наблюдателя, преимущественно же орнитолога, примкнувшего к школе профессоров К. Ф. Кесслера и М. Н. Богданова. С последним он состоял в течение ряда лет в непрерывных научных сношениях и недаром посвятил его памяти важнейшие из своих трудов.

С 1880 по 1892 г. Зарудный, непрерывно странствуя, со всем пылом молодого приращенного энтузиаста природы, исследует фауну Оренбургского края, богатая и разнообразная природа которого развила в свое время таланты и Аксакова и Эверсмана. Уже в 1888 г. в «Записках» нашей Академии появляется обширный труд Зарудного — «Орнитологическая фауна Оренбургского края», позже существенно дополненный в ряде других его работ. Детально исследуя фауну Оренбургского края после классических трудов проф. Эверсмана, Зарудный, как и везде, где он работал впоследствии, не ограничивался в своих наблюдениях пределами своей глав-

но
об
ам
фа
вер
то
ча
пи
на
от
об
до
не
ва
ск
ле
в
За
им
З
бу
по
чт
ме
ва
но
пр
пт
се
га
ск
18
«С
ве
ш
пи
щ
из
ит
ск
тс
сс
тс
ну
ва
зс
о
З
г.
5*

ной специальности — классом птиц: он нам оставил наблюдения над образом жизни и географическим распределением млекопитающих, амфибий и рептилий в пределах Оренбургского края. В результате фауна позвоночных этого края обогащена рядом новых, отчасти совершенно неожиданных, биологических фактов и освещена светом тонких наблюдений талантливое натуралиста.

Летом 1884 г., когда постройка Закаспийской ж. д. была еще в зачаточном состоянии, мы видим З а р у д н о г о уже в пределах Закаспийского края, который сразу захватывает его новизной и оригинальностью своей природы. Исследованию этого края З а р у д н ы й отдает все свои молодые силы. Он повторно посещает Закаспийскую область в 1885, 86, 89 и 1892 годах и, затрачивая на научные исследования свои скудные зимние сбережения да ничтожные субсидии некоторых научных обществ, он, не страшась летнего зноя, искрещивает пешком, *omnia sua secum portans*, громадные площади Закаспийских пустынь и по крупицам собирает в них все, что попадает в поле его зоркого наблюдения и что он может вынести на своих плечах в буквальном смысле слова: во время всех своих странствований по Закаспийскому краю и первой поездки в Персию З а р у д н ы й не имел никаких помощников.

Весною и летом 1889 г. мне случалось экскурсировать совместно с З а р у д н ы м в разных пунктах Закаспийского края. Никогда не забуду картины, когда он с приемами и ловкостью дикой кошки полз по раскаленному песку пустыни к опустившимся на приманку орлам, чтобы добыть их для коллекции; не забуду его дерзких по своей меткости выстрелов по куликам в присутствии пестрой толпы дивовавшихся искусству охотника туземцев; не забуду я и тех душных ночей, когда он, пренебрегая дневной усталостью, до утренней зари при свете убогого фонаря-коптилки препарировал добытых днем птиц, успевая в то же время ловить и прилетающих на свет огня насекомых, и деятельных только в эти часы гекконов и других ночных гадов и млекопитающих...

Результатом 8-летнего исследования и изучения фауны Закаспийской области явился солидный труд З а р у д н о г о, напечатанный в 1896 г. Московским обществом испытателей природы, под заглавием: «Орнитологическая фауна Закаспийского края (со включением северной Персии, Хивинского оазиса и равнинной Бухары)». В этой обширной работе дано, между прочим, очень удачное деление Закаспийского края на фаунистические участки, с которыми совпали, в общих чертах, и мои личные выводы на основании фаунистических изысканий 1888 и 1889 гг. Этой работе З а р у д н о г о, подведшей итоги его исследований в Закаспийской области, предшествовало несколько работ меньшего объема, относящихся к познанию фауны того же края.

В пределы Персии З а р у д н ы й направился впервые еще в 1885 г., совместно с А. М. Н и к о л ь с к и м. Но тяжелая форма малярии, которой заболел тогда З а р у д н ы й, вместе с недостатком средств вынудили его, начав с Чикишляра, ограничиться на этот раз обследованием северных склонов Астрабада-Шахрудских гор и береговой зоны Каспия. Как всегда, З а р у д н ы й дал в печати обстоятельный отчет и об этой своей поездке. В 1892 г. З а р у д н ы й, базирясь на Закаспийскую область, проникал вторично в северную Персию до г. Кучана в Хоросане.

Первая крупная экспедиция Зарудного в глубь Персии была осуществлена им при существенной поддержке нашей Академии наук и ее Зоологического музея в 1896 г. На этот раз направившись в восточные части Персии, Зарудный в течение 4 месяцев исследовал Бирджанскую горную страну, окружающие ее песчаные и соляные пустыни и Сеистанскую котловину до низовьев р. Гильменда, на самой границе южного Афганистана. Результатом этой экспедиции, скромно названной, как и все следующие, в отчете Зарудного «экскурсией», было свыше 2 000 верст пройденного караванного пути, 737 экземпляров птиц с 69 яйцами, около 2 000 экз. насекомых и несколько сот других животных. Среди этой добычи оказался целый ряд высоко ценных абсолютных научных новинок, во главе с новым видом саксаульной сойки (*Podoces*).

В 1898 г. Зарудный осуществил по поручению и на средства Русского географического общества второе, на этот раз уже 8-месячное, путешествие по восточной Персии, причем он спускался к югу несколько далее Бампура, т. е. до Персидского Белуджистана, и связал русские исследования с английскими, производившимися ранее со стороны Индии.

Описание этого путешествия, давшего весьма существенные результаты для чистой географии, и обработка части зоологического материала составили 3 книги, написанные единолично Зарудным и изданные в 1901—1904 гг. Географическим обществом в виде объемистого тома «Записок по общей географии».

В 1900 и 1901 гг. Зарудный организует, опять же по поручению и на средства Географического общества, новую экспедицию в восточную Персию, во главе которой в течение 10½ месяцев проходит более 4½ тысяч верст пути, достигает Мекранского побережья Индийского океана, с большим мужеством проникает в труднодоступные, славящиеся разбоями части Персидского Белуджистана и привозит 3 140 экз. одних птиц, массу других животных, в том числе не менее 50 000 экз. насекомых, маршрутно-глазомерную съемку всего пути экспедиции в Белуджистане, метеорологические записи, обильный фотографический материал и т. д. В привезенном зоологическом материале оказывается нескончаемый ряд совершенно новых для науки форм, особенно среди насекомых и отчасти птиц, проливающих свет на генезис нашей туранской фауны.

Общий отчет Зарудного об этой экспедиции издан Географическим обществом в 1916 г. в виде отдельного тома «Записок» общества по общей географии; специальные же результаты до сих пор не опубликованы по вине не Николая Алексеевича.

Через два года в 1903—1904 гг. Зарудный опять направляется, снаряженный Географическим обществом, в Персию, на этот раз западную, и, во главе небольшой экспедиции, достигает устья р. Каруна у Персидского залива. В результате — снова громадный зоологический материал, в котором оказалось, между прочим, 14 новых видов и 2 новых рода одних пресмыкающихся, длинный ряд новых форм птиц, — материал и высокоценные наблюдения, дающие пищу для научной работы специалистов на много, много лет.

Непрерывно работая, без малейшей передышки, Зарудный в промежутки между своими персидскими путешествиями пишет целую серию других научных трудов. Так, он обрабатывает и публикует свои наблюдения над птицами долины р. Орчика в пределах Полтав-

А. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ и Н. А. ЗАРУДНЫЙ (справа)

Устье реки Великой (близ г. Пскова), август 1905 г.

ской и Харьковской губерний, заканчивает солидный труд о птицах Псковской губернии, подводящий итоги его орнитологическим наблюдениям в этой области за время его службы преподавателем Псковского кадетского корпуса с 1892 по 1906 г., дает провизорную обработку птиц Семиреченской области и т. д.

Домашними (внешкольными) учениками Н. А. Зарудного в Пскове были К. М. Дерюгин и К. Н. Давыдов, позже доктора зоологии и известные профессора. На них обоих Зарудный имел с их молодых еще лет большое влияние, дав им записку путешественников-исследователей, что позже любил вспоминать К. М. Дерюгин.

С осени 1906 г. Зарудный по собственному желанию и почину переводится на ту же должность преподавателя кадетского корпуса в Ташкент, и, пользуясь летними ваканциями, методично продолжает свои зоогеографические изыскания в пределах русского Туркестана и Бухары. Летом 1907 г. он странствует и работает в долинах Чирчика, Сыр-дарьи и в пустыне Кизил-кум, позже — в долине, песках и горах Ферганы, в 1910 г. осуществляет экспедицию на юг Бухарского ханства (около 200 верст пути на каюке и свыше 900 верст вьючного пути); в 1911 г. спускается на каюке по Сыр-дарье от Чиназа до Перовска, исследуя фауну вдоль течения этой реки. В 1912 г. проникает далеко в глубь пустыни Кизил-кум, в 1914 г., несмотря на развивающуюся тяжелую болезнь, совершает поездку на Аральское море и производит тщательное обследование как фаунистическое, так и общезоографическое его берегов и островов для дополнения известной монографии Арала проф. Л. С. Берга. Сверх этого Зарудный пользуется каждым случаем, чтобы вести непрерывные орнитологические наблюдения и общезоологические сборы в окрестностях Ташкента, понимая их очень широко.

Неутомимая деятельность Зарудного в родном ему по природе Туркестане дает богатейшие плоды как для его личных работ, так и для работ многих специалистов. За этот последний период жизни Зарудного появляется в печати новый ряд его больших трудов и множество статей и заметок (всего до 90 заглавий), преимущественно орнитологических, рассыпанных как в наших, так и во многих зарубежных специальных изданиях. За время пребывания в Ташкенте Зарудный заканчивает также описание своего последнего персидского путешествия и превосходный, подводящий итоги всех его исследований, труд о птицах Персии — произведения, не по его вине до сих пор еще не изданные. В то же время он, как естественный преемник Н. А. Северцова, предпринимает новый громадный труд — составление общей «Орнитологии Туркестана».

Многие работы Зарудного были оценены по достоинству еще при его жизни. Не говоря о ряде лестных для него отзывов в печати как нашей, так и иностранной, об его заслугах в области орнитологии и зоогеографии, не говоря о бесчисленных ссылках на его биологические и зоогеографические наблюдения в трудах Мензбира, Плесске, Бианки, Никольского и других орнитологов, герпетологов, териологов, энтомологов, — отдельные его работы были отмечены несколькими почетными наградами, присужденными ему в разное время нашими Академией наук и Географическим обществом.

Так, одна из ранних еще работ Зарудного — его «Орнитологи-

ческая фауна Оренбургского края» была увенчана премией академика Брандта, присужденной автору Академией наук.

В 1898 г. Зарудному была присуждена малая золотая медаль Географического общества за результаты его второго персидского путешествия. В 1901 г. тем же Обществом Зарудный был увенчан премией имени Пржевальского за его новое (3-е) путешествие в Персию.

В 1904 г. ему вновь была присуждена та же премия за 4-е персидское путешествие, а в 1907 г. за совокупность заслуг по изучению природы России и сопредельных с ней частей Азии — медаль имени Пржевальского.

Зоологический музей Академии наук, обогащенный высокоценными материалами, доставленными в разное время Зарудным, отметил его заслуги еще в 1895 г. почетным, хотя и весьма скромно звучащим, званием корреспондента Музея.

Что касается заслуг Н. А. Зарудного в области энтомологии, то надо сказать, что только постоянный недосуг мешал ему вработаться в какую-либо из ее составных частей. Покойный очень любил мир насекомых, живо ими интересовался и, обладая исключительной памятью, прекрасно, при помощи справочной литературы, разбирался в бесчисленных их формах. Особенно интересовали Зарудного прямокрылые и биология всех вообще насекомых. В свое время он произвел ряд наблюдений над гнездами и постройками разных перепончатокрылых; он собирал для себя коллекцию гнезд этих насекомых и вел записи своих наблюдений. Только недостаток времени не дал ему обработать этот материал. Некоторое количество биологических заметок Зарудного о насекомых разбросано в отчетах об его путешествиях и на этикетках собранного им материала.

В своей специальной научной деятельности Н. А. Зарудный был не столько систематиком, сколько фаунистом и биологом, на редкость талантливым наблюдателем всех жизненных явлений у наземных позвоночных животных.

В своих фаунистических работах и изысканиях Зарудный был всегда последователен и методичен. Он никогда не предпринимал путешествий, дальних странствований ради накопления одних личных впечатлений, ради собирания пестрого и несвязного, блещущего только своей новизной материала. Маршруты свои он прокладывал в строгой последовательности, стремясь к наиболее полному разрешению поставленных себе задач. Я уже указывал выше, что персидские экспедиции Зарудного были предприняты им прежде всего для углубления наших представлений о фауне Туркмении и для освещения ее происхождения. Последнее свое персидское путешествие в западные части страны он совершает в поздне-осеннее и ранне-весеннее время, невыгодное для сбора многих животных (как, например, насекомых) только потому, что Зарудный ставит себе на этот раз целью изучение пролетных путей и зимовки птиц преимущественно нашей фауны.

На ряду с большими достоинствами, фаунистические труды Н. А. Зарудного не лишены, конечно, и некоторых недостатков. Главный из них выражается в том, что он иногда слишком полагается на распросные сведения и сообщает недостаточно проверенные данные. В своих систематических обработках он в некоторых случаях, увлекаясь, преувеличивает таксономическое значение открытых

им новых форм птиц. Но все эти недостатки искупаются обилием и абсолютной ценностью собранного им материала и возможностью, в большинстве случаев, проверить по нему факты. Но одна из главных, хотя для него и побочных, заслуг заключается в той изумительной массе ценнейшего материала по насекомым, который любовно, со знанием дела им собран во время его путешествий и экскурсий. Общее количество собранных З а р у д н ы м насекомых надо определять по меньшей мере в 200 тысяч экземпляров. Принимая же во внимание условия, в которых он собирал насекомых — среди усиленной работы по добыванию птиц и других позвоночных, среди кропотливой и мешкотной работы по их препаровке, среди ведения путевых дневников и других записей и наблюдений в путешествиях — нельзя не преклониться перед его феноменальным трудолюбием и трудоспособностью.

В наши руки попадают часто энтомологические сборы весьма обильные, но, мало характерные, содержащие по преимуществу обыкновеннейшие, широко распространенные формы. Сборы З а р у д н о г о, обычно также обильные, были всегда исключительно содержательны. Чем же объясняется это? Только его страстной любознательностью ко всем явлениям природы, только изумительной наблюдательностью его глаза, только цепкостью, так сказать, этого глаза при громадной зрительной памяти, — словом натуралиста-наблюдателя.

Энтомологические сборы З а р у д н о г о, с которыми я знаком лучше, чем кто-либо, так как все они прошли через мои руки, можно назвать прямо гениальными. Как коллектор насекомых, он не имел соперников даже в среде специалистов-энтомологов, и никто, я думаю, не открыл в жизни такой массы новых для науки форм, как З а р у д н ы й. В числе этих новых, отчасти еще ждущих описания форм имеется не только большое количество совсем новых для науки родов, но и два новых семейства жестокрылых, которые дают лучшую характеристику Ирана, как фаунистического целого.

Поразительна была в этом человеке, при всей страстности и увлекательности его натуры, та размеренность, дисциплинированность труда, которою он всю жизнь отличался. В противоположность многим соотечественникам, он был замечательно аккуратен и добросовестен во всякой работе. Рукописи его, написанные, как и письма, необыкновенно четким почерком, были всегда до мельчайших деталей готовы для печати. З а р у д н ы й обладал также и прекрасным, своеобразным, чуждым банальности слогом, в котором никогда не проскальзывало ни малейшей небрежности или неряшливости. Изложение его было всегда совершенно свободно, отчетливо и ясно, а в тех случаях, где это вызывалось предметом повествования, также и художественно. Любовное отношение его к миру животных выражалось в нежных уменьшительных словах, которыми он титуловал их нередко даже в своих специальных, деловитых по стилю научных работах. Письма же его доставляли истинное наслаждение каждому, кто был сколько-нибудь родственен ему по духу. Письма эти были всегда проникнуты детской чистотой, свежестью и радостной светлостью его вечно юной души. И только за последние годы его жизни начали звучать в них минорные, предвещающие грустный финал, аккорды. Грусть навевали на него главным образом грозные предвестники физической старости.

Вот что он мне писал, например, в апреле 1915 года: «Время бежит и бежит своей чередой, но чувства остаются прежними. Старость подкралась совсем близко, тело становится немощным, но дух остается бодрым и сильным и, как прежде, рвется в дикую девственную природу, где столько прелестей и чистого счастья. Последним временем стал я прихварывать: устали ноги носить меня, да и глаза устали высматривать любопытное...».

Более, чем кто-либо, имел он право скромно оправдывать в себе эту физическую усталость, — он, который по нещадно знойным пустыням исходил на своем веку тысячи верст пешком во главе каравана, на ходу зорко высматривая все достойное внимания натуралиста и неустанно собирая обильную жатву для науки.

Но дух его не мирился с этой, сказавшейся за последние годы физической усталостью.

«Вот уже 4 месяца», говорит он в письме ко мне от 22/XI 1916 г., «как мне лишь изредка хватает сил и возможности поохотиться и поэкскурсировать: мучительный ревматизм в ногах и суставах рук, а тут еще и проклятая малярия... Безумно тянет в природу, — до слез и отчаяния, но приходится сидеть или лежать на месте. Теперь, до лучшего будущего делу свое время только между кадетским корпусом и своим кабинетом. Думаю, что с теплыми днями весны все наладится, а пока с помощью доктора ремонтируюсь. Так ли, иначе ли, но на рождественских каникулах все-таки съезжу за свинками и фазанами; хотя бы на четвереньках или ползком, а все-же поохочусь...».

В одном из более ранних своих писем Николай Алексеевич писал мне, что ему хорошо в Туркестане: и природа, и жизнь ему там по душе. «Здесь и подохну», говорил он. «Облюбовал я себе уединенный холмик среди нетронутой природы, где завещаю похоронить себя».

Будем надеяться, что желание это будет исполнено его близкими. А мы, осиротевшие друзья его, вознесем в душе высокий холм в его память, с которого нам будет светить, согревая нас и вдохновляя на работу, неугасаемый дух вечного юноши.

Вве
Зос
Вах
Сп
Ли
Сп
Пр

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	4
Зоолог и путешественник Н. А. Зарудный	5
Важнейшие биографические данные жизни Н. А. Зарудного	44
Список животных, названных в честь Н. А. Зарудного	45
Литература о Н. А. Зарудном	48
Список печатных работ Н. А. Зарудного	49
Приложение:	
Памяти Николая Алексеевича Зарудного. Речь А. П. Семенова-Тян-Шанского, прочитанная весной 1919 г. на общих собраниях обществ: Русского географического в Русского энтомологического	64